

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (филиал)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВООПРИМЕНЕНИЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

Учебное пособие для обучающихся по программам
дополнительного профессионального образования

Под редакцией
кандидата юридических наук, доцента
Е.Е. Амплеевой,
доктора юридических наук, профессора
И.Л. Честнова

Санкт-Петербург
2025

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (филиал)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕРИЯ «ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

Учебное пособие для обучающихся по программе дополнительного
профессионального образования

Под редакцией
кандидата юридических наук, доцента
Е.Е. Амплеевой,
доктора юридических наук, профессора
И.Л. Честнова

Санкт-Петербург
2025

УДК 34 (075)
ББК 67я73
П 68

Под редакцией
кандидата юридических наук
доцента Е.Е. АМПЛЕЕВОЙ
доктора юридических наук
профессора И.Л. ЧЕСТНОВА

Р е ц е н з е н т ы

А.А. ДОРСКАЯ – проректор по научно-исследовательской работе юридического факультета Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

А.А. БОЕР – заведующий кафедрой гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, кандидат юридических наук, доцент.

Правоприменение: теоретико-прикладной аспект : учебное пособие для обучающихся по программам дополнительного профессионального образования / Е.Е. Амплеева, Н.В. Кулик, И.Б. Ломакина, А.В. Холопов, И.Л. Честнов ; под ред. Е.Е. Амплеевой, И.Л. Честнова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025. – 82, [2] с. – (Серия «Правоприменение: теория и практика»).

В учебном пособии излагаются актуальные общетеоретические вопросы, существующие в современной теории государства и права к правоприменению, рассматриваются собственно социолого-технологический и антропологический подходы к правоприменению, а также дискуссионные вопросы правоприменительного процесса.

Предназначено для обучающихся по программам дополнительного профессионального образования.

УДК 34 (075)
ББК 67я73

АВТОРЫ

Е.Е. АМПЛЕЕВА – заведующий кафедрой теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, доцент – введение (в соавторстве с И.Л. Честновым).

Н.В. КУЛИК – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент – глава 4.

И.Б. ЛОМАКИНА – профессор кафедры теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор – главы 1, 2 (в соавторстве с И.Л. Честновым).

А.В. ХОЛОПОВ – заведующий криминалистической лабораторией, кандидат юридических наук, доцент – глава 3.

И.Л. ЧЕСТНОВ – профессор кафедры теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор – введение (в соавторстве с Е.Е. Амплеевой); главы 1, 2 (в соавторстве с И.Б. Ломакиной).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава 1. Понятие, основные характеристики и дискуссионные вопросы правоприменения.....	7
Глава 2. Социолого-технологический и антропологический подходы к правоприменению.....	24
Глава 3. Профессиональные и личностные качества прокурора как правоприменителя.....	36
Глава 4. Качества государственного обвинителя, обеспечивающие эффективность правоприменения (на примере участия прокурора в рассмотрении уголовного дела судом присяжных).....	70
<i>РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА</i>	80

ВВЕДЕНИЕ

Современное право существует в эмпирической данности только тогда, когда нормативные правовые акты и другие формы внешнего выражения права, например источники права в его позитивистской терминологии, фактически реализуются на практике. Следовательно, правоприменение является важнейшей формой реализации норм права и воспринимается как аспект или элемент правовой реальности. В то же время приходится констатировать, что сегодня в отечественной правовой науке продолжает доминировать формально-догматический подход к определению правоприменения.

В теории права правоприменение традиционно определяется как механическая деятельность по квалификации деяния и принятию решения по конкретному делу, основанная исключительно на правилах формальной логики. Между тем, как отмечают многочисленные сторонники правового реализма, правоприменение – это сложная практическая деятельность, на которую влияет множество факторов. Более того, в такого рода деятельности уместно выделить внешний, т. е. собственно поведенческий аспект, и внутренний, т. е. психический, или когнитивный, аспект.

К сожалению, если внешние моменты правоприменения, включая нормативное его регулирование, подробно и обстоятельно изучаются в современной юриспруденции, то о втором аспекте этого не скажешь. Вместе с тем именно субъективные моменты, образующие содержание индивидуальных качеств правоприменителя, обеспечивают воплощение правовых норм, регламентирующих процесс правоприменения, и его эффективность.

Отметим, что роль правоприменения в прокурорской деятельности трудно переоценить, поскольку преимущественно именно через правоприменение происходит выявление нарушений законности и осуществление прокурорского реагирования. Более того, на сегодня все функции прокуратуры как и ее полномочия реализуются посредством правоприменения. В этой связи важным представляется утверждение Р.М. Махьяновой, что «прокурорско-надзорный процесс требует от прокурора и научных познаний из таких областей наук, как логика, психология, этика, риторика, конфликтология и т. п., не только в силу специфики предмета надзора, но и потому, что прокурор при проведении проверок вступает в многочисленные контакты и взаимодействует с должностными и иными лицами для выполнения поставленных целей и задач»¹. Все это дает основание заключить, что правоприменение необходимо рассматривать во взаимодополнительности традиционного, нормативно-догматического, подхода и социолого-правового и антропологического, в которых акцентируется внимание на его человекомерности.

В первой главе пособия излагаются актуальные общетеоретические вопросы, существующие в современной теории государства и права к правоприменению, предлагаются не только понятие и основные характеристики правоприменения, но и дискуссионные вопросы правоприменительного процесса.

Во второй главе авторами рассматриваются собственно социолого-технологический и антропологический подходы к правоприменению.

В третьей главе пособия исследуются профессиональные и личностные качества прокурора как правоприменителя.

Наконец, четвертая глава посвящена некоторым особым качествам современного правоприменителя, обеспечивающим эффективность правоприменения, на примере суда присяжных.

Авторы понимают, что не все проблемные вопросы правоприменения были раскрыты в настоящей работе, а изложенный материал – это лишь авторский взгляд на них и перспективы дальнейших исследований данной темы.

---

¹ Махьянова Р.М. Тактика надзорной деятельности прокуратуры: порядок разработки и реализации // Lex russica. 2025. Т. 78, № 6. С. 70.

Г л а в а 1

ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Формы реализации норм права. Правоприменение – одна из четырех форм реализации норм права. Известная фраза из любого учебника по теории государства и права, которая нуждается в осмыслении. Дело в том, что любой топос – общее место в науке и практике – всегда является «свернутой метафорой», перенесением смысла с одного феномена на другой. Так, одним из топов, воспринимаемых как само собой разумеющееся знание, является идея о том, что нормы права регулируют общественные отношения. Подразумевается, что нормы права осуществляют это автоматически, сами по себе. Если задуматься над этой фразой, то придется признать ее «мистической». В философии это называется объективизацией, реификацией или гипостазированием, причем любой из этих терминов будет правильным. При этом норма права наделяется особой «потусторонней» силой, которая приводит в движение общественные отношения и тем самым достигает желаемого результата.

Нормы права, как это ни парадоксально, сами по себе ничего не регулируют, а как справедливо отмечает известный цивилист В.А. Белов, лишь информируют человека о запрещенном, должном или разрешенном поведении в зависимости от вида правовой нормы. «Представление о праве как инструменте непосредственного воздействия на *общественные отношения* является глубоко ошибочным. Право – не автомойка, куда с одной стороны въезжает грязный автомобиль и откуда с другой стороны он через некоторое время (в продолжение которого он подвергается “воздействию” моечного оборудования и моющих средств) выезжает чистым. Уподобление права автомойке, в которую с одной стороны “въезжает” сломанное, исковерканное, недоразвитое, неупорядоченное, неработоспособное (словом – неурегулированное правом) общественное отношение и из которой с другой стороны оно “выезжает” во всех смыслах замечательное (урегулированное правом), имеет с действительностью не больше общего, чем докоперниковское церковное представление об устройстве Солнечной системы. Подчеркиваем: право *ничего не регулирует* – оно лишь *оценивает*. <...> Нормы права *информируют* участников

социальных связей об отношении государства к этим связям, о его возможной реакции на участие в таких связях. В зависимости от того, насколько участники отношений желают такой реакции или не желают ее, сообразно тому, считают ли они негативную реакции реальной (опасаются ее) или же рассматривают ее не более, как пустой звук, они получают возможность *собственным волевым решением скорректировать свое поведение* – отказаться от намерения участвовать в определенных отношениях, изменить таковые, либо выйти из них, либо же, напротив, вступить в какие-то отношения»².

В социологической теории права действие права – это действия (взаимодействия) индивидов, которые являются носителями статуса субъектов права, в соответствии с информацией³, сформулированной в норме права в ее текстуальной форме (как сказал бы профессор А.В. Поляков), и интенцией (ожиданиями) относительно действия контрсубъекта. Норма права – это не статья нормативного правового акта или, точнее, не только статья нормативного правового акта, вступившего в юридическую силу, а ее интерпретация и реализация в многократно повторяющихся практиках⁴.

Право, таким образом, действует через поведение людей, в котором реализуются нормы права, а именно информация, в них закрепленная. В связи с тем что нормы права, как и любые другие нормы, содержат информацию трех видов: что разрешено, обязательно, запрещено, соответственно, выделяют три простые формы реализации норм права: использование, когда реализуются управомочивающие нормы права, информирующие о разрешенном, допустимом поведении; исполнение, при котором реализуются обязывающие нормы права; соблюдение, реализующее запретительные нормы права.

В повседневной практической деятельности нормы права реализуются, или «действуют», в социолого-правовом смысле в

---

² Белов В.А. Гражданское право. Учебник. В 3 т. Т. 1. М., 2011. С. 19.

³ Или вопреки информации, сформулированной в нормах права; в таком случае, как правило, имеют место правонарушение и реализация запретительной нормы права, выражающаяся в привлечении правонарушителя к юридической ответственности.

⁴ Социологическая школа права в контексте современной юриспруденции : коллективная монография / Я.И. Гилинский, Л.И. Глухова, Л.А. Голубева [и др.] ; под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2022. 442 с.

трех простых формах – использования (преимущественно нормы договорного гражданского права), исполнения (например, нормы административного права) и соблюдения (нормы уголовного права). При этом простые формы права могут реализовываться автоматически, а могут через правоотношения – фактические взаимодействия людей, носителей статуса субъектов права⁵.

Использование как простая форма реализации норм права возможно в тех случаях, когда индивид (индивиды) согласует свое поведение с управомочивающими нормами права, заключая договор купли-продажи, поступая на работу, учебу и т. д. Эта форма реализации норм права осуществляется как в правоотношениях (в приведенных примерах), так и вне правоотношений, когда, например, право на отдых реализуется путем чтения интересной книжки.

При согласовании поведения (как индивидуального, так и взаимодействия) с обязывающими нормами права возникает вторая форма реализации норм права – *исполнение*. В отличие от соблюдения запрета, исполнение обязанности практически всегда предполагает активные действия субъекта (субъектов) и может протекать как в рамках правоотношения, так и вне их. Например, должностное лицо, будучи обязанным рассматривать письма, заявления и жалобы граждан, регистрирует их и совершает иные технические действия. В этом случае правоотношения не возникают. Если же должностное лицо принимает по данному заявлению властное решение, то правоотношения будут налицо.

Если индивид согласует свое поведение с запретительными нормами, то такая форма реализации норм права именуется *соблюдением*. Она является простой формой реализации норм пра-

---

⁵ В отечественной теории права и в отраслевых юридических науках понятие правоотношения – одно из самых дискуссионных. Большинство авторов рассматривают правоотношение в качестве правовой формы фактических отношений между людьми. На наш взгляд, гораздо более продуктивным и практико-ориентированным является социолого-правовой подход, при котором правоотношение трактуется как действия людей, которым приписывается юридическое значение, так как они предусмотрены соответствующей нормой права. Нормы права в таком случае выступают моделью правоотношений, а правоотношения – реализацией норм права. В то же время не всегда нормы права предполагают правоотношения: соблюдение уголовно-правовых норм преимущественно осуществляется само по себе – вне правоотношений, воздерживаясь от совершения преступления.

ва, так как в подавляющем большинстве случаев предполагает воздержание от совершения каких-либо (в данном случае – запрещенных законом) действий и не предполагает возникновения правоотношений. В тех же достаточно редких случаях, когда правонарушение совершается путем бездействия (например, неоказание помощи врачом), для соблюдения такого запрета требуются активные действия и возможны правоотношения.

Некоторые авторы, например Ю.А. Тихомиров, помимо этих трех «классических», простых форм реализации норм права называют еще три, именуя их «режимами правоприменения»:

институт самозащиты гражданами своих прав (например, ст. 14 Гражданского кодекса Российской Федерации или ст. 370 и 380 Трудового кодекса Российской Федерации);

режим саморегулирования, «означающий самостоятельное регулирование субъектом права своего поведения и деятельности»;

режим реализации вне правоотношений, когда общие цели и принципы права позволяют субъектам действовать без конкретных норм, т. е. речь идет о регуляции поведения обычаями, моралью и другими неправовыми нормами⁶. Полагаем, что самозащиту прав можно отнести к простым формам реализации норм права, хотя бы как разновидность использования норм права, а вот относительно «режима саморегуляции» и «реализации вне правоотношений», в частности при реализации неправовых норм, возникают некоторые сомнения. Дело в том, что «саморегуляция» имеет место во всех простых формах реализации норм права, они и называются простыми потому, что зависят от мотивации человека и не требуют вмешательства компетентных органов. Неправовые регуляторы, о которых упоминает Ю.А. Тихомиров, дополняют правовые (юридические) формы реализации норм права.

Таким образом, три простые формы реализации норм права – это соблюдение, исполнение и использование, к которым можно добавить самозащиту прав, которые рассчитаны на нормальное течение правопорядка, связанное с добровольным и добросовестным соблюдением, исполнением, а при желании и использованием права. Вместе с тем не все жизненные ситуации относятся к

---

⁶ Правоприменение: теория и практика / Н.Т. Вишневская, Е.Б. Ганюшкина, И.В. Гетьман-Павлова [и др.] ; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2008. С. 77–78.

числу последних, для чего существует четвертая – сложная форма реализации норм права, к рассмотрению которой мы сейчас переходим.

Правоприменение – четвертая форма реализации норм права, отличающаяся от простых форм, рассмотренных выше, несколькими признаками. Во-первых, основаниями правоприменения служат спорные, конфликтные ситуации (когда совершено правонарушение или лицо считает, что его права нарушаются), а также такие социально значимые (с точки зрения законодателя) обстоятельства, которые должны разрешаться компетентными государственными органами (например, назначение пенсии, регистрация юридического лица, выдача лицензии на занятие определенным видом деятельности и т. д.).

Во-вторых, субъектом правоприменения может быть исключительно компетентный государственный орган или негосударственный субъект, которому государство делегировало свои полномочия. Действуют правоприменительные органы на основании процессуального законодательства, например суд – на основании Уголовно-процессуального кодекса, Гражданско-процессуального кодекса или Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

В-третьих, результатом такой деятельности является применение к конкретной жизненной ситуации и субъекту либо санкции нормы права при наличии спора, конфликта, либо диспозиции нормы права при отсутствии спора, например когда имеют место выдача разрешения на занятие определенной деятельностью, регистрация юридического лица и т. п.

Исходя из вышеизложенного, представляется возможным сформулировать определение *правоприменения* как деятельности компетентных государственных (или уполномоченных государством) органов по разрешению конкретных индивидуальных дел (как спорных, так и таких, в которых нет спора), вынесению по ним решений и их исполнению в соответствии с процессуальным законодательством, в результате чего к конкретной жизненной ситуации и персонифицированному субъекту применяется санкция или диспозиция нормы права.

Стадии правоприменения. Правоприменение, таким образом, является разновидностью юридического процесса и состоит из ряда *стадий* – временных интервалов прохождения дела, от-

личающихся не только последовательностью их протекания, но и содержанием совершаемых в их рамках процессуальных действий⁷.

Первая стадия именуется установлением фактических обстоятельств дела и включает в себя момент возникновения (начала) правоприменительной деятельности, который по аналогии с уголовным процессом можно назвать возбуждением дела, а также процесс доказывания тех существенных обстоятельств, которые явились основанием для возбуждения дела.

Возбуждение дела начинается с поступления в компетентный орган информации о наличии оснований для возбуждения дела (например, о наличии данных, указывающих на признаки преступления). Эта информация фиксируется и производится ее первичная проверка: проверяется факт события (зачастую в государственные органы поступает ложная информации) и дается его первичная юридическая оценка (квалификация), в том числе на предмет подведомственности дела именно этому органу. Затем возбужденное дело поручается конкретному исполнителю (например, следователю), которому предстоит провести доказывание по этому делу, т. е. собрать необходимые и достаточные доказательства для того, чтобы вынести по нему решение.

Вторая стадия правоприменения – разрешение дела по существу. На этой стадии материал, собранный непосредственным исполнителем, направляется тому органу (должностному лицу), который уполномочен принимать окончательное решение по данному делу (что не исключает возможности его пересмотра в результате обжалования или опротестования). Таким органом, например по уголовному делу, выступает суд. Уполномоченный орган проверяет доказательства, собранные на первой стадии, производит разбирательство дела, дает квалификацию деяния (или события) и выносит решение по делу.

Квалификация деяния (или события) представляет собой сравнение или сопоставление (идентификацию) существенных признаков происшедшего (существа дела), о которых правоприменитель устанавливает факты.

---

⁷ Юридическая процессуальная форма: теория и практика / Н.В. Витрук, В.М. Горшенев, Т.Н. Добровольская [и др.] ; под ред. В.М. Горшенева, П.Е. Недбайло. М., 1976. 280 с. ; Теория юридического процесса / В.М. Горшенев, В.Г. Крупин, Ю.И. Мельников [и др.] ; под общ. ред. В.М. Горшенева. Харьков, 1975. 192 с.

менителю известно на основе собранных доказательств, с признаками соответствующей нормы права⁸. По-другому можно сказать, это выбор (на основе анализа) нормы права, под которую подпадает существо дела. На основе проведенной квалификации выносится решение по делу, которое имеет форму индивидуально-правового акта и включает, как правило, три части: вводную (наименование акта, время, место его составления, должностное лицо, его составившее), описательную (в которой описывается происшедшее с приведением доказательств), которая завершается квалификацией деяния (иногда эту часть выделяют в качестве самостоятельной – мотивировочной), и резолютивную, в которой формулируется само решение. Спорной как минимум представляется традиционная точка зрения, в соответствии с которой выбор нормы права (т. е. квалификация деяния) является самостоятельной стадией правоприменения. Это не стадия, а важное процессуальное действие, которое имеет место практически на всех стадиях.

Принятое решение оглашается участникам правоприменительного процесса, копия решения передается заинтересованным лицам. Однако само решение, как правило, сразу не исполняется. Законодатель в большинстве случаев предусматривает определенный срок, в течение которого лицам, участвующим в процессе, предоставляется возможность обжаловать вынесенное решение. Эти действия образуют *третью стадию* правоприменительного процесса – пересмотр принятого решения. Она именуется факультативной, так как ее реализация зависит от усмотрения участников процесса и не является обязательной.

Завершается процесс правоприменения *четвертой стадией* – исполнением принятого решения. Процессуальное законодательство подробно регламентирует исполнительные производства и порядок пересмотра принятого решения, которые изучаются в рамках соответствующих процессуальных дисциплин.

Проблемные вопросы правоприменения, через которые абстрактная теория права связывается с отраслевыми юридическими науками и через них с практикой⁹.

---

⁸ Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1999. 324 с.

⁹ Честнов И.Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 1. СПб., 2020. С. 100.

Первая проблема состоит в том, что изменения теоретических представлений о правоприменении вынуждают пересмотреть некоторые догмы классической юриспруденции.

Во-первых, сегодня приходится констатировать неполноту законодательства, неопределенность и, вследствие использования естественного языка, невозможность полной его формализации. Полнота и беспробельность кодекса – юридическая фикция, опровергнутая жизнью¹⁰. Очевидно, что научное знание, лежащее в основе политики права, всегда ограничено, неполно, не в состоянии предусмотреть все возможные юридически значимые ситуации даже в идеальном законе.

«Юридический Геркулес» (уточним – это термин, характеризующий идеального судью или законодателя, используемый Р. Дворкиным, заимствованный у У. Блэкстона), знающий ответы на все правовые вопросы, остался мифом эпохи Просвещения. Здесь уместен вывод о том, что правоприменение восполняет (и должно восполнять) неизбежные пробелы, неточности, несовершенство законодательства. Более того, правоприменение, по сути, становится формой правотворчества, дополняя и конкретизируя законодателя¹¹.

А.Г. Карапетов применительно к судебному правоприменению утверждает: «Судебное правотворчество есть, так как его попросту невозможно избежать. И это предполагает необходимость корректировки понимания принципа разделения властей таким образом, что правотворческая функция была распылена между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти. Неизбежность судебного правотворчества предопределяется наличием пробелов в законах и имманентной неопределенностью и многозначностью многих норм законодательства...»¹². Но не все авторы согласны с такой точкой зрения, по крайней мере, с самим термином «судебное правотворчество». Так, Е.В. Тимошина со своими учениками критикует такой подход, хотя констатирует, что «судебный активизм» – это повсеместное,

---

¹⁰ Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М., 2011. С. 15, 20, 25, 304 и др.

¹¹ Там же. С. 304.

¹² Там же.

хотя и нежелательное явление¹³. Отсюда вытекает сложнейшая теоретическая и практическая проблема границ усмотрения правоприменения, и на теоретическом уровне ее призвана решить политика права – важнейшая часть юриспруденции.

Во-вторых, возникает вопрос, что, собственно говоря, применяется: статья ли нормативного правового акта (в широком смысле включая систему законодательства и даже принципы права)?

Правоприменение – это всегда конкретизация законодательства и его воспроизводство в практиках. Статья нормативного правового акта, даже процессуального законодательства, сама по себе не реализуется в правоприменении, так как не содержит четкого механизма воспроизведения. Она закрепляет условия правоприменения, но не модель эффективных, целесообразных действий, которыми эта модель воплощается в жизнь. Статьи уголовно-процессуального кодекса не содержат «рецептов» эффективного осмотра места преступления, допроса и т. д., поэтому статья нормативного правового акта конкретизируется в практиках (обычаях или традициях), которые складываются на основе, например, криминалистических рекомендаций, требований руководства, включающих обязательные к исполнению методические рекомендации, и личного опыта конкретного сотрудника. Но в конечном счете действие права – это всегда действия человека, опосредованные его правосознанием, включающим мотивацию к совершению именно этого (такого) юридически значимого действия. Они в первую очередь обусловлены рутинными практиками, образующими юридический опыт правоприменителя – как «нормальный» чиновник должен поступать в соответствующих типичных ситуациях.

В-третьих, правоприменение – это деятельность человека (носителя статуса правоприменителя), поэтому антропологическое измерение правоприменения – важнейший момент юриспруденции. Как влияют на правоприменительную практику институциональные ограничения и личностная мотивация? Можно ли органично взаимодополнять общественные и личные интересы

---

¹³ Тимошина Е.В. Методология судебного толкования: критический анализ реалистического подхода // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 1. С. 72–102 ; Тимошина Е.В., Кондуров В.Е. В поисках утраченного смысла: толкование права в ситуации «смерти законодателя» // Вопросы философии. 2022. № 10. С. 29–43.

(и как их понимать, эксплицировать)? На наш взгляд, это принципиально значимые для юриспруденции вопросы, не получившие должного осмысления в теории права.

Правоприменение – это не механическое подведение малой посылки, описывающей конкретную ситуацию, под большую посылку, в которой формулируется норма права. Обычные практики, обретаемые с опытом применения права и образующие его (опыта) содержание, лежат в основе юридической оценки (квалификации) ситуации и интерпретации закона, образуют «микрофизику» правоприменения. В этой деятельности работает не аристотелевская логика, а «логика» прототипов и типизаций. В ней «снимается» по принципу взаимодополнения или диалога должное и сущее (парадокс Юма).

В практической юриспруденции описание всегда включает аскрипцию, т. е., по терминологии Г. Харта, приписывание свойств «юридического» (юридическое значение) исходя из должного – интерпретации закона. Это приписывание производится с учетом имеющегося в опыте правоприменителя социального представления о «правильном» – типизации (фрейма или скрипта) ситуации и поведения в ней «нормального» человека (субъекта права). Типизация, в свою очередь, складывается из закрепленного в опыте образца (прототипа) удачного действия. На основе таких типизаций производятся оценка ситуации и принятие решений в юридической практике, которые переводят фактическое (или «физическое») в юридически значимое.

Проблемным вопросом правоприменения является также ценностный релятивизм, который не дает возможности достижения однообразия в толковании закона и его применении. Разные социальные группы по-разному оценивают закон и фактические ситуации, а потому и правоприменение в разных регионах страны различается, несмотря на то что государственная власть и стремится этот процесс унифицировать. Одновременно нельзя не обращать внимание и на коллизии закона и других форм права, включая обычные практики, что также не способствует единообразию правоприменения.

Еще одной проблемой является оценка эффективности правоприменения. Для ее решения недостаточно классических социолого-правовых исследований, а тем более анализа догмы права. Как раз «микрофизика» правоприменения – его изучение с

позиции действующих акторов – предоставляет возможность качественного анализа эффективности права, проявляющегося в правоприменении. Кроме того, содержание и эффективность правоприменения зависят от учета исторического и социокультурного контекста этой деятельности, в том числе по осмыслению закона и ситуаций, приданию им социального значения и личностного смысла.

Таким образом, правоприменение – это не механический процесс юридической квалификации деяния в соотнесении с нормой права и принятия решения в форме индивидуального правового акта, а сложная деятельность, обусловленная внешними институциональными ограничениями и личностной мотивацией. В результате такой деятельности соответствующая форма нормативности права (например, статья нормативного правового акта) наполняется конкретным содержанием и, по большому счету, становится нормой права, воплощаемой в правопорядке.

Структурные ограничения правоприменения. Так, Э. Паттаро по этому поводу замечает: «Правовые нормы как верования (т. е. нормы, в моем их понимании) также не могут быть наделены юридической силой. Их можно только внести в мозги человека социокультурным окружением. Или они могут быть выведены приверженцем из другой нормы (нормы, которая уже существует у него в сознании) в сочетании с соотнесением надлежащего знака к типу обстоятельства, изложенного в этой другой, предшествующей норме»¹⁴. Поэтому действительность права в его традиционном (позитивистском) смысле, по его мнению, – «источник заблуждений правового позитивизма»¹⁵.

Авторы интересного и содержательного исследования, посвященного институциональному анализу уголовного дела, справедливо утверждают, что «ни один закон не является однозначной инструкцией к применению: он допускает множество толкований, не всегда досконально известен всем участникам, и, наконец, видимость его соблюдения можно создать разными способами. Закон делает возможными десятки траекторий, но на практике основная масса дел проходит по нескольким довольно стандартным путям. <...>

---

¹⁴ См. подробнее: Паттаро Э. Нет права без норм // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008. СПб., 2009. С. 311.

¹⁵ Там же.

Институциональный анализ предполагает, что наряду с формальной рамкой законодательства, которая регулирует ту или иную работу, существуют другие механизмы: системы стимулов и наказаний внутри организаций, которые заняты применением закона, организационная культура, социальные нормы и ценности, разделяемые правоприменителями (их представления о хорошем и плохом, допустимом и недопустимом), технические и даже географические ограничения. Все это будет влиять на то, какое из возможных решений в пределах закона (или своих представлений о законе) конкретный правоприменитель будет выбирать в конкретный момент – и будет ли он выбирать именно их или предпочтет сознательно нарушить законодательную норму. <...> Наличие в отчетности требования повышать раскрываемость – прежде всего убийств – будет стимулировать следователя вести себя определенным образом. Во всех случаях, где это юридически возможно, выбирая, как обозначить событие – “убийство” или “причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть”, – принимать первый вариант для преступлений, где виновник очевиден с самого начала (тогда количество раскрытых убийств растет). Но следователь будет выбирать второй вариант для еще не раскрытых дел (если не получится найти виновника, то количество нераскрытых убийств не вырастет, рост негативно-го показателя придется на менее важную категорию преступлений). <...>

Когда те или иные действия повторяются много раз, одни и те же решения принимаются в схожих условиях, эти действия превращаются в рутины – не рефлекслируемые участниками практики работы. Все опытные участники в этой ситуации забывают о том, что возможны другие варианты действий. Подобные профессиональные рутины – основа любой профессиональной деятельности. В результате именно такой привычный способ работы кажется сотруднику единственным и правильным, хотя это не всегда так. Для каждого частого события (преступления) (кража, грабеж, убийство) у всех участников (следователя, полицейского, оперативника, прокурора и т. д.) есть готовые рабочие шаблоны, по которым нужно оформлять документы, имеются привычные схемы, как искать подозреваемого и допрашивать его, понимание, кому надо передать дело, выполнив свою часть работы, и как

именно надо выполнить эту работу, чтобы следующий по цепочке ее принял»¹⁶.

Конкретные внешние факторы интериоризируются в мотивацию субъектов правоприменения и определяют их поведение. «На что же в первую очередь смотрят правоохранители, когда определяют линию поведения в деле? Можно выделить несколько групп критериев:

– *Социальное положение сторон*. Чем выше статус пострадавшего, тем активнее и тщательнее работают полиция и следствие и тем раньше все документы обретают “формальный” статус. Чем выше социальный статус потенциального подозреваемого, тем позже документы обретут процессуальное закрепление и тем больше работы будет выполнено “неформально”.

– *Характер преступления*. Чем более тяжким и конвенциональным является преступление, тем более формальной, тщательной (и интенсивной) будет работа правоохранительных органов. Тяжкими и конвенциональными являются, как правило, простые насильственные (убийства) или масштабные имущественные преступления (ограбление банка). При этом преступления, совершенные “с особым цинизмом”, как это называлось в советское время, также будут побуждать правоохранителей к более тщательной работе. Например, ограбление на улице пенсионерки вызовет куда больше внимания, чем такое же действие в отношении молодого человека. Единственная категория, которая не укладывается в эту схему – сексуальное насилие, процедура раскрытия, расследования таких преступлений имеет множество специфичных черт.

– *Коррупционная емкость*. Чем выше коррупционный потенциал, тем дольше будет оттягиваться момент “формализации” уголовного преследования. И наоборот, чем выше коррупционный потенциал в плане неформального поощрения от потерпевшего, тем быстрее все будет формализовываться.

– *Масштабы и резонансность дела*. Масштабные, многоэпизодные дела, а также дела, в которых много пострадавших, или дела, ставшие публичными, скорее всего, будут расследоваться гораздо более “формально”, чем простые, тривиальные дела. Это

---

¹⁶ Панеях Э., Титаев К., Шклярчук М. Траектория уголовного дела: институциональный анализ. СПб., 2018. С. 12–13.

связано с тем, что вероятность проверок и жалоб в масштабных делах выше, т. е. со стороны руководства и контрольно-надзорных органов, в первую очередь той же прокуратуры, они привлекают гораздо больше внимания.

– *Локальные традиции.* Не следует забывать, что существует большая локальная вариация тех неформальных правил, которыми руководствуются правоохранители. Так, в удаленных районах, в которых складываются устойчивые коллективы правоохранительных структур, часто возникают либо совершенно неформальные, либо, наоборот, гиперформализованные практики. В больших городах/районах, с большей степенью конвейерности, большей текучкой кадров и большим размером коллектива практики скорее тяготеют к некоторым “средним” вариантам.

– *Отношения между структурами.* Чем “лучше” и “эффективнее” контакт между смежными структурами (полицией – следствием – прокуратурой), тем менее формализованной будет работа. И тем позже станут формализовываться ее результаты»¹⁷.

Полагаем, что представленный весьма реалистичный перечень структурных факторов, ограничивающих деятельность правоприменителя, необходимо дополнить системой статистической отчетности, которая во многом определяет критерии оценки деятельности как подразделений правоохранительных органов, так и отдельных сотрудников. «Работа сотрудников правоохранительных органов, – пишут Э. Панеях, К. Титаев и М. Шклярчук, – не подчиняется целиком только законам, регламентирующим их права и обязанности, и указаниям руководства. Жизнь сотрудника любого уровня зависит также от тех формальных показателей, по которым оценивают его деятельность: выясняют, насколько он справляется с работой, несет ли достаточную нагрузку по сравнению с другими, выдерживает ли сроки? Каждый сотрудник – от рядового до руководителя крупного подразделения – знает те критерии, которым должны соответствовать результаты его работы; эти критерии отражены в ведомственных приказах или в общепринятых представлениях о том, как должна выглядеть успешная деятельность сотрудника или подразделения. Например, работа следователя (и следственного органа) обязательно будет оцениваться с точки зрения “нагрузки” и “направления дел

---

¹⁷ Там же. С. 370–371.

в суд”: сколько дел находилось в производстве и сколько направили в суд. Или работа оперативника (и отдела уголовного розыска) – с точки зрения “раскрываемости”: какой процент преступлений в расследованных делах удалось раскрыть, то есть обеспечить наличие там обвиняемого. Работа целого ОВД будет оцениваться по множеству показателей: больше или меньше сделано (раскрыто дел, выписано штрафов, задержано нарушителей), чем в предыдущем году? Сколько дел приходилось на одного сотрудника – больше или меньше, чем в целом по системе? Каков был вообще уровень преступности (понимаемый как количество зарегистрированных преступлений) на подведомственной территории и пр.? Даже с условно независимого судьи его фактический руководитель – председатель суда – непременно спросит как минимум за сроки рассмотрения дел; цейтнот наряду с статистическими показателями – важный фактор в работе правоохранительных органов и судов»¹⁸.

Критерии оценки эффективности деятельности правоприменительных органов. Критерии оценки эффективности деятельности правоприменительных органов обусловлены многими сложными проблемами. Петербургские социологи по этому поводу заявляют: «Ключевой проблемой для оценки эффективности деятельности государственных органов является проблема измерения соотношения непосредственных (*output*) и конечных (*outcome*) результатов деятельности как работника внутри госорганов, так и ведомства в целом. В простом варианте – конечные результаты, например, для МВД – это реальный уровень безопасности населения, который можно измерить, например, используя сочетание опросов, криминологических исследований, официальной криминальной статистики. Непосредственные результаты – количество уголовных дел, раскрытых преступлений и рассмотренных заявлений от граждан.

Бюрократические организации постепенно создают и развивают внутри себя системы оценки своей работы. Известно, что этот процесс часто приводит к тому, что интересы общества (для служения которым создается любая государственная организация) вытесняются ведомственными интересами, а также внутриведомственными интересами – отдельных подразделений либо

---

¹⁸ Там же. С. 225–226.

даже отдельных сотрудников. ... Внутренние интересы организации выражаются в наращивании своего бюджета и влияния. Каждое ведомство стремится к максимизации своего бюджета и ресурсного потенциала, то есть к “строительству империи”. Сдержать это могут только конкуренция ведомств за ограниченные бюджетные ресурсы и независимая экспертиза обоснований ресурсных (в том числе бюджетных) запросов ведомств. При переводе в практическую плоскость мы видим, что самым простым путем к достижению целей увеличения бюджета (и полномочий) является демонстрация: а) успешности своей работы и б) объема своей проделанной работы. <...>

“Бюрократизм” правоохранительной системы, не будучи связан напрямую с состоянием преступности и ее характеристиками, обуславливает подход к статистическим данным ведомств, отличный от представленного в традиционной юридической литературе. Иными словами, бюрократический аппарат правоохранительных структур быстро разрастается. Так, в Следственном комитете Российской Федерации через два года после его создания только 50 % работников были следователями, которые непосредственно расследовали уголовные дела. Разрастание аппарата, отсутствие пропорционального снижения численности аппарата характерно для органов МВД в ходе реформы 2010–2011 годов, когда снижение численности на 20 % коснулось в первую очередь низовых подразделений. Взаимодействие с реальной преступностью заменяется взаимодействием с “образом”, создаваемым в статистике, а объем работы выступает отдельным основанием для увеличения штатов и финансирования, т. е. ведомства подменяют конечные результаты работы – общественное благо, которое было причиной их создания, – на показатели своей работы»¹⁹.

Подводя итог исследования, посвященного актуальным проблемам правоприменения, можно привести цитату: «Часто говорят, что закон – это практика его применения. Мы же опирались на еще более радикальную социологическую трактовку. Есть повседневные, рутинные, часто повторяемые действия правоприменителя. Некоторые из них (очень многие) называются “исполнением такой-то нормы закона”. При этом, как уже говорилось,

---

¹⁹ Там же. С. 220–222.

данная практика может совпадать с “нормой”, а может ей противоречить. На уровне анализа социальной реальности нам важно, что нечто может называться “применением закона”, но это неверно, т. е. есть пласт повседневных профессиональных рутин, есть пласт закона, но соприкасаются они лишь весьма опосредованно.

Значит ли это, что закона как такового нет вовсе? Нет. Закон как легальное мышление и правовая дискуссия оказываются востребованы там, где реальность выталкивает игроков за пределы повседневного. Туда, где нужно искать новые решения, формировать новые правила, опирающиеся на стремление, отнюдь не чуждое нормальному работнику правоохранительных органов, сделать свою работу наилучшим образом. Закон как социологическая категория, как нечто, наблюдаемое в социальной реальности, появляется тогда, когда распадается рутина или же в ней появляется существенная “прореха”. Это случается не каждый день, но это случается. В остальных же ситуациях правоприменитель действует так, как его научили на практике. Он не применяет закон, а выполняет детализированные ритуалы, которые потом нужно назвать применением определенных норм. Но это не есть их применение»²⁰.

Вышеизложенное позволяет прийти к следующим **выводам**. Практический поворот в современной юриспруденции показал, что нормы сами по себе не действуют. Можно сказать, право само по себе ничего не регулирует, не охраняет. Все это делают люди, соотнося свое поведение с тем, что сформулировано в законодательстве. Более того, в этой связи уместно провести различие между нормами права и статьями нормативных правовых актов (и других форм внешнего выражения нормативности права): норма права возникает только тогда, когда статья закона интерпретируется человеком и становится частью его мотивации, входит в социально-психологический механизм его поведения. Так, статьи УПК РФ сами по себе не содержат рецептов совершения, например, следственных действий, но закрепляют основания их совершения и способы фиксации, оформления и дальнейшего использования. Они наполняются конкретным содержанием практиками субъектов уголовно-процессуальных отношений, которые изучаются криминалистикой. При этом криминалистиче-

---

²⁰ Там же. С. 455–456.

ские рекомендации должны быть интериоризированы соответствующим субъектом – человеком, наделенным соответствующими полномочиями, и воплотиться в его навыках и умениях.

Последние вписываются в образцы типичных юридически значимых ситуаций, в способы эффективного поведения в них. Их уместно именовать правовыми фреймами и скриптами. Именно они образуют содержание юридической повседневности как важная часть юридической практики. Через них происходит идентификация ситуации, включающая категоризацию, классификацию и квалификацию, наделение ее конкретной правовой значимостью, и выработка субъектом образца своего поведения в соотношении с предполагаемым поведением контрсубъекта. Отметим, что процесс категоризации, или типизации, представляет собой соотношение воспринимаемого с представлением субъекта права о типичной («нормальной») ситуации и тем, как следует действовать в ней. С категоризацией, или типизацией, связан процесс квалификации, который в социологической перспективе может быть описан не только как подведение ситуации под норму права, но и как соотношение собственного поведения с позицией социально значимого «нормативного другого» – с позицией предполагаемого внешнего наблюдателя. Все это подводит к необходимости обсуждения «человеческого содержания» процесса правоприменения в целом.

Г л а в а 2

СОЦИОЛОГО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ПРАВОПРИМЕНЕНИЮ

В отечественной теории права начиная с дореволюционных времен и до наших дней господствует формально-юридический подход применительно к анализу правоприменения²¹. В нем акцент делается на нормах права, регламентирующих эту деятельность. И такой подход вполне оправдан для пропедевтики – введения в курс теории права. Однако очевидно, что теория и прак-

---

²¹ Честнов И.Л. Антропологическая программа правоприменения // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 4. С. 87–101.

тика никогда не совпадают, поэтому важно знание о том, как фактически, в жизни происходит процесс правоприменения.

Новый подход к правоприменению начинает развиваться в социолого-ориентированной теории права, в которой акцент делается на конкретных приемах и процедурах, используемых в правоприменении. Для этого, в частности, некоторые авторы достаточно продуктивно используют конструкции «юридическая техника», «тактика», «технология». Так, И.В. Колесник пишет: «Юридическая техника и технология – тесно взаимосвязанные составные части юридического процесса – подготовки и принятия нормативных, интерпретационных и правоприменительных актов. Юридическая техника постоянно испытывает влияние потенциала юридических технологий как явления внешнего и непосредственно связанного с социальной реальностью. Связь юридической техники и соответствующих юридических технологий является естественным взаимообусловленным процессом.

Юридические технологии – явление в большей мере динамичное, обладающее большим многообразием элементов и выходящее по своим характеристикам за пределы понятия юридической техники. В основе юридических технологий находятся соответствующие технологические знания, позволяющие точно установить, какие конкретно юридико-технические средства необходимо использовать в той или иной юридической деятельности в целях достижения соответствующего результата. Совокупность технологических знаний по использованию и применению юридико-технических средств (правил, способов, приемов, методов) составляет содержание юридической технологии как прикладной юридической дисциплины.

В познавательном аспекте юридическая технология как научная дисциплина направлена на выяснение сущности попадающих в сферу ее воздействия явлений окружающего мира, определяет их состав и функции. В практическом аспекте юридическая технология направлена на упорядочивание и системное применение научных и прикладных знаний для достижения конкретного результата (дуалистический характер юридической технологии).

Исследование соотношения юридической техники и юридических технологий дает основание сделать вывод о том, что юридическая технология систематизирует знания об оптимальном

взаимодействии стратегии, тактики, методов, способах, правилах, приемах использования юридико-технических средств (о применении юридической техники в соответствующей юридической деятельности)»²².

Правоприменительную технологию И.В. Колесник определяет как систему «организационно-процедурных приемов, правил, требований, функционирующих в форме комплекса специальных знаний об оптимальном использовании юридико-технических средств, в рамках определенных стратегии, тактики, методов, способов, принципов, используемых в деятельности по применению правовых норм для достижения социально полезных целей и необходимых результатов. <...> Анализ особенностей структуры правоприменительной технологии показывает, что применение базовых технико-юридических средств при выборе определенной стратегии, тактики, конкретного метода или соответствующих правил и приемов фактически универсально. И поскольку каждый отдельный вид применения права отличается использованием и выбором стратегии, тактики, методов и способов, правил и приемов, что определяет качество правоотношений, объем компетенции правоприменяющего субъекта, конкретный правоприменительный результат, универсальной юридической технологии не существует»²³.

Более развернуто правоприменительная технология характеризуется как система «организационно-процедурных требований, приемов, правил и оформляющих их знаний об оптимальном использовании юридико-технических средств в рамках определенных стратегии, тактики, методов, способов, принципов, используемых в деятельности по применению правовых норм для достижения социально полезной цели. При этом технология применения права на каждом таком этапе, стадии отличается специфическим набором юридико-технических средств, используемых в целях достижения задач конкретной стадии.

Понятие “юридико-технические средства” дает возможность обобщить все те явления (инструменты и процессы), которые должны обеспечивать достижение поставленных целей. Пред-

---

²² Колесник И.В. Теоретическая модель правоприменительной технологии : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 11–12.

²³ Там же. С. 12.

ставляется, что главное в теории юридических средств – это то, какие социальные задачи эти правовые механизмы могут решать, где и в каком порядке их можно использовать в практической правовой деятельности для достижения социально значимых результатов»²⁴. Полагаем, что такой подход, развивающий правоприменение через анализ правовых средств, техники, технологии, тактики, возможно, стратегии, гораздо продуктивнее формально-догматического.

О тактике проведения прокурорских проверок интересно пишет Р.М. Махьянова, которая достаточно убедительно заявляет, что именно тактика организации и проведения прокурорских проверок способна обеспечить их эффективность²⁵. При этом для повышения эффективности проверок прокурорами активно используются не только тактика, но и методика их проведения. Подобные методики проверок, по ее убеждению, «не содержат сведений о возможной динамике обстоятельств надзорных ситуаций, складывающихся в ходе проверок. Состояние законности, таким образом, является лишь частью, одним из компонентов их содержания, остальное составляют внешние (законодательные, политические, экономические и др.) и внутренние (связанные с прокурорско-надзорными правоотношениями, взаимодействием прокурора с должностными и иными лицами, включая его субъективную оценку различных обстоятельств, доказательств и т. п.) факторы воздействия, относящиеся к объекту и (или) предмету надзора»²⁶.

Интересно, что цитируемый автор соединяет социологический и антропологический подходы и к основополагающим элементам тактики надзорной деятельности прокуратуры относит:

тактическое мышление прокурора;

надзорную ситуацию;

надзорную гипотезу прокурора;

тактическое решение прокурора;

тактический прием прокурора, например пассивное действие прокурора в зависимости от конкретных условий складывающейся надзорной ситуации).

---

²⁴ Там же. С. 120.

²⁵ Махьянова Р.М. Указ. соч. С. 69.

²⁶ Там же. С. 70.

«Среди названных элементов выделяются ключевые, к которым следует относить надзорную ситуацию и тактическое мышление прокурора. Надзорная ситуация, таким образом, состоит из двух основных компонентов, включающих в себя основные информационные блоки: во-первых, как наиболее постоянный, это совокупность статистических и аналитических сведений о состоянии законности на конкретном направлении надзора и (или) поднадзорном объекте; во-вторых, динамические условия, сложившиеся под влиянием внешних и внутренних факторов, который целесообразно употреблять применительно к процессу проведения проверки»²⁷.

Далее подчеркивается, что «в осуществлении поиска, разработки и реализации рационального решения непрерывно участвует мышление прокурора; применительно к указанному процессу его можно определить как тактическое мышление, с помощью которого реализуются его интеллектуальные способности, проявляются творческий подход, оригинальность. Тактическое мышление прокурора не только непрерывно сопровождает процесс разработки и реализации тактики, но и обеспечивает его качество, от которого в конечном счете будут зависеть обоснованность и эффективность принимаемых тактических решений.

Индивидуальные свойства мышления прокурора способствуют поиску оригинальных идей, от них зависит и объективность оценки обстоятельств складывающейся надзорной ситуации»²⁸. Тем самым демонстрируется важность и значимость исследования когнитивных качеств прокурора, которым может и должна заниматься социокультурная антропология права в рамках культурально-антропологического, человекомерного подхода к исследованию прокурорской деятельности.

Правоприменение, таким образом, это не механическое принятие решения, основанное на подведении модели фактической юридической ситуации под норму права (юридическая квалификация), и тем более не простое использование аристотелевской силлогистики. Американский социолог права М. Галантер по этому поводу замечает: «Беспрекословное соблюдение официальных норм имеет еще один, более серьезный недостаток – оно

---

²⁷ Там же. С. 71.

²⁸ Там же. С. 72.

является миражом, химерой, поскольку подразумевает, что все правила, рожденные в высших сферах законодательной власти или в апелляционном суде, сохраняют единственное определенное значение, когда их “применяют” ко множеству конкретных случаев. Однако большинство официальных норм двусмысленны, разночтения возможны в любой сложной системе общих правил, а поддержание единообразия значений во времени и пространстве дается дорогой ценой»²⁹.

Законодательство, на котором основывается правоприменение, всегда неполно, несовершенно, часто пробельно и, возможно, противоречиво. Даже такие сторонники нормативизма, как К.Э. Альчуррон и Е.В. Булыгин, признают фактическую неполноту и противоречивость нормативной системы, указывая, что «так называемый постулат герметической (или необходимой) полноты права – а он представляет собой юридическую версию того же самого логического постулата – необоснован в утверждении о том, что любая правовая система является полной. ...Из того, что правовые системы являются гипотетическими, следует, что ни одна правовая система не может быть абсолютно замкнутой... О полноте как свойстве нормативной системы можно говорить только применительно к контексту множества обстоятельств или случаев и множеству деонтически квалифицированных действий. ...Поэтому нормативная полнота – не более чем идеал, к которому нормативные системы должны стремиться, идеальное правило»³⁰. «Пробельность, – указывает М.В. Антонов, – это неотъемлемая черта права, которая объясняется тем, что не все жизненные случаи можно охватить с помощью правовых норм»³¹.

В то же время правоприменение, включающее толкование как норм права, так и конкретной жизненной ситуации, всегда подвержено влиянию неустранимого человеческого фактора.

---

²⁹ Галантер М. Правосудие в разных залах: суды, частное правовое регулирование и неформальное правосудие // Право и правоприменение в зеркале социальных наук : хрестоматия современных текстов / Э. Дюркгейм, Ш. Тома, К. Серон [и др.] ; ред. Э.Л. Панеях, А.М. Кадникова. М., 2014. С. 395.

³⁰ Альчуррон К.Э., Булыгин Е.В. Нормативные системы // Российский ежегодник теории права. № 3. 2010 / С.-Петербург. гос. ун-т ; Уральская юрид. акад. СПб., 2011. С. 314, 424, 402, 444.

³¹ Антонов М.В. Право в аспекте нормативных систем // Российский ежегодник теории права. № 3. 2010 / С.-Петербург. гос. ун-т ; Уральская юрид. акад. СПб., 2011. С. 305.

В этом проявляется антропологизм правоприменения и содержание антрополого-правовой научно-исследовательской программы. Иными словами, с позиций постклассической антропологической методологии правоприменение – это деятельность человека, являющегося носителем статуса государственного служащего, по интерпретации фактической юридической ситуации и законодательства и их соотнесению, в которой неустраним личностный фактор, проявляющийся в интенции (направленности сознания на соответствующий объект), цель, интерес, мотив³².

Как происходит восприятие, понимание и объяснение юридически значимой ситуации? Восприятие чего-либо осуществляется через его соотнесение с имеющимися в сознании индивида схемами – фреймами и скриптами, сценариями, образующими содержание типичных моделей такого рода ситуаций. «Фрейм – это такая когнитивная структура в феноменологическом поле человека, – полагает известный исследователь дискурс-анализа М.Л. Макаров, – которая основана на вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных или гипотетических объектов. По своей структуре фрейм состоит из *вершины* (темы), т. е. макропропозиции, и *слотов* или *терминалов*, заполняемых пропозициями. Эта когнитивная структура организована вокруг какого-либо концепта, но в отличие от тривиального набора ассоциаций такие единицы содержат лишь самую существенную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с данным концептом»³³.

«Сценарий или, по-другому, сценарный фрейм содержит стандартную последовательность событий, обусловленную некой рекуррентной ситуацией. Сценарии организуют поведение и его интерпретацию. Для сценариев характерны ситуативная привязанность и конвенциональность. Как фрейм, так и сценарий необходимо трактовать в терминах памяти. Это не только информационные структуры, они сообщают о результатах, конечных состояниях, по которым и запоминаются нам, поскольку это механизмы, объясняющие достижение понимания с использованием

---

³² Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М., 2013. С. 122.

³³ Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003. С. 153.

накопленного ранее знания, а предварительное знание и есть тот тип информации, который хранится в памяти.

Самое замечательное в этом рассуждении заключается в том, что в “готовом виде” сценарии в памяти вообще-то не хранятся. Применение сценария к анализу дискурса – это реконструкции, что мы сами строим сценарии по мере того, как в этом возникает необходимость, в процессе восприятия речи, чтобы осуществить интерпретацию дискурса, используя накопленный ранее опыт и информацию, размещенную на разных уровнях памяти»³⁴. Однако через эти сценарии (фреймы и скрипты) происходит интериоризация социальных представлений о внешних факторах, задающих контекст правовой ситуации, и о том, как ее оценивает официальная инстанция, с позиций которой ситуация юридически квалифицируется. Одновременно социальные юридические значения приобретают индивидуальный смысл при их соотнесении с личностной мотивацией и ожиданиями – ожиданиями «нормального» поведения от контрагента в данной конкретной ситуации.

Полагаем, что данный подход может быть развит и уточнен акцентом на психические процессы восприятия, категоризации и оценки (юридической квалификации) поведенческого аспекта субъективного права, а также анализа того, как именно происходит взаимообусловленность внешних социальных явлений и субъективного права. Восприятие юридически значимой ситуации, как уже отмечалось, осуществляется через ее соотнесение с имеющимися в правосознании индивида схемами – фреймами и скриптами, сценариями, образующими содержание типичных моделей такого рода ситуаций. Одновременно с восприятием производится процесс категоризации, или типизации, – подведение воспринимаемого под представление индивида о типичной («нормальной») ситуации и поведении в ней. Это же с юридической точки зрения включает процесс квалификации, который в социологической перспективе может быть описан как соотнесение собственного наблюдения с позицией предполагаемого внешнего наблюдателя. Другими словами, всегда необходимо учитывать изменчивость ожиданий и мотиваций акторов, цен-

---

³⁴ Там же. С. 153–154.

ностную обусловленность поведения³⁵, другие психические моменты, о которых замечательно написал Г.В. Мальцев в «Социальных основаниях права»³⁶, наличие или отсутствие взаимного признания ожиданий и внешний контекст, который детерминирует поведение людей. Как раз на анализ этих моментов нацелена постклассическая программа юридической деятельности.

Интересный подход, эвристически ценный, близкий к излагаемой методологии, развивает известный отечественный теоретик уголовного процесса А.С. Александров. По его мнению, право – это «не действующий закон с раз и навсегда установленным смыслом, а дискурс, текст, т. е. совокупность самопроизводных, сменяющих друг друга, конкурирующих друг с другом речевых практик, опосредующих, легитимизирующих применение насилия в обществе»³⁷. «Мы привыкли, – пишет А.С. Александров, – объяснять природу права социально-экономическими причинами, упуская из виду то, что имеем дело, прежде всего, со словами. Правовая наука умертвила свой язык, лишив его самодостаточности, когда сделала его носителем извне (т. е. не из самой языковой структуры) навязываемых смыслов. На практике правовые понятия формируются в угоду власти. А между тем только слова творят правовое бытие. Право голоса в условиях свободы конкуренции мнений составляет важнейшее условие существования права как смысла, рожденного в борьбе интерпретаций текста закона. Язык, текст, судебная речь – вот образы правовой реальности. Это так, потому что юридическая наука права имеет дело с продуктами духа человека, культурными феноменами. <...> Право – продукт духа человека. В свою очередь, этот “дух” есть не что иное, как опыт человека, пропитанный вербализмом. Не будет преувеличением сказать, что он сам есть продукт языка.

Что есть уголовно-процессуальный закон – как не совокупность текстов – следов языка, меток дискурса? Что есть правовое сознание, правовая идеология – как не язык, только в ином проявлении? Сам позитивный уголовный процесс, понимаемый как

---

³⁵ С такой критикой, в частности, выступает лидер «Права и экономики» Г. Калабрези. – Калабрези Г. Будущее права и экономики. Очерки о реформе и размышления. М., 2016. 301 с.

³⁶ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2011. 800 с.

³⁷ Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003. С. 5.

речевая деятельность, есть судоговорение (в суде) и речедеятельность (устная и письменная) во время досудебной подготовки материалов уголовного дела. Таким образом, все элементы права, включая **поступок**, под которым понимается результат реализации правовых предписаний в виде деяния и/или правопорядка в целом, есть продукты языка; опосредованы им и неразрывно с ним связаны. Иными словами, уголовно-процессуальное право есть текстовое поле, где основным способом познания является разговор (речь). Познание уголовно-процессуальных явлений отождествляется нами с пониманием *Текста*»³⁸.

В другой работе А.С. Александров утверждает, что «право (уголовно-процессуальное право в том числе) – это смысл текста закона, полученный (актуализированный) судом в результате интерпретационной, перзуазивной, игровой деятельности сторон с применением рациональной аргументации, юридической техники, риторики, психологии, т. е. средств речевого убеждения... Текст закона пуст с точки зрения открытости для прочтения (как и любой другой текст). В нем отсутствует какая-либо постоянная опора, посредством которой можно было бы производить центрацию, сгущение смысла. Но если исходить из тезиса, что текст открыт, разомкнут, составляет часть гипертекста, что работа над текстом, его прочтение, интерпретация производят смысл, неподвластный воле законодателя, то элементы “интерпретация” и “право” мыслятся как одно целое. Обратной стороной этого тезиса является постулат о том, что текст никогда не может быть переведен, истолкован до конца, и поскольку нет потенциально единого текста “текста текстов”, к которому могут быть сведены смыслы, интерпретация бесконечна ввиду отсутствия идеального смысла... Определенность права есть временное состояние, есть результат победы какой-то интерпретации над другими – в данном случае, в данное время. Но эта победа временная. Неизбежен кризис смысла. Ведь жизнь развивается, возникают новые ситуации, образуются лакуны в смысле. Как только возникает сомнение в актуальности нормы права, как только кто-то предлагает новую интерпретацию ее смысла, начинается опять борьба и возникает ситуация смысловой неопределенности, т. е. кризис, и со-

---

³⁸ Там же. С. 31.

ответственно появляется необходимость преодоления кризиса, выбора в пользу одной из альтернативных интерпретаций... Создать исчерпывающий в смысловом отношении, непротиворечивый, полный текст закона – иллюзия»³⁹.

Подводя итог антропологическому подходу к правоприменению, позволим сделать следующие **выводы**. Во-первых, правоприменение – сложная деятельность, совершаемая на основе внешних факторов (норм права, позиции политического руководства, системы отчетности и т. д.) и внутренних экспектаций (ожиданий, интересов, потребностей и других психолого-когнитивных моментов).

Во-вторых, при изучении правоприменения должны приниматься во внимание не только формально-юридический, или догматический, аспект, который сам по себе, конечно, необходим, но и внутренние факторы. Это и есть антропологический подход к правоприменению⁴⁰, который исходит из того, что правоприменитель – это человек, совершающий юридически значимые действия в контексте внешних обстоятельств и конкретной ситуации.

Почему человек совершает то или иное действие? Полный ответ на такого рода вопрос невозможен – слишком много факторов (ко всему прочему изменчивых и с трудом поддающихся фиксации) требуется учесть (потенциально этот перечень безграничен, так как включает ситуацию и другие внешние обстоятельства, в том числе биологические, генетическую наследственность, среду проживания, процесс воспитания и социализации и т.д., которые плавно переходят во внутренние, интериоризируясь в сознании, или психике, индивида).

Известный отечественный психолог В.П. Зинченко по этому поводу писал: «...нелепо звучат старые вопросы о том, что первично, что чем детерминируется. В реальной жизни все первично и вторично, имеется взаимная детерминация как случайного, так

---

³⁹ Александров А.С. Текст закона и право // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе : сб. науч. тр. / Акад. М-ва внутренних дел Республики Беларусь ; отв. ред. А.Л. Савенок. Минск, 2012. С. 119–120.

⁴⁰ Такой подход достаточно близок идеям правового реализма, активно разрабатываемого в нашей стране Е.Н. Тонковым. См.: Тонков Е.Н. Российский правовой реализм : монография. СПб., 2024. 454 с.

и телеологического характера, детерминация по внешней и внутренней, собственной цели. Детерминация внешними средствами и обстоятельствами столь же реальна, сколь детерминация собственными средствами и состояниями субъекта»⁴¹. Сложность усугубляется тем, что отделить внешние факторы от внутренних (от их восприятия, репрезентации, осмысления, оценки и т. д.) и утверждать о том, что одно из них детерминирует другое, практически невозможно⁴².

Научный анализ правоприменения, как и правовой деятельности как таковой (и прокурорской в том числе), должен учитывать всегда уникальное соотношение внешних факторов, которые проявляются в конкретной жизненной ситуации и личностной интенции – мотивации, образующей содержание внутренних, психо-когнитивных факторов. Так, на основе опроса повышающих свою квалификацию прокуроров, было выявлено, что в повседневных профессиональных практиках они руководствуются преимущественно тремя основными мотивами, которые находятся в сложном пересечении и зачастую взаимодополняют друг друга: во-первых, укрепление личной социальной значимости, например для карьерного роста; во-вторых, максимизация полезности (личной пользы), обеспечение стабильности существования (снижение нагрузки); в-третьих, увеличение предсказуемости, конформности с учетом соотношения этих мотиваций с возможным, должным или запрещенным поведением, сформулированным в нормах права, и с конкретной жизненной ситуацией⁴³. В то же время, как показало наше исследование, в подавляющем большинстве юридически значимых ситуаций (если это рутинные, «простые» дела) практик не рефлексировует (калькулирует) свои действия, а руководствуется типизациями, или стереотипами поведения (юридическими фреймами и скриптами), сложившимися на основе его личного опыта. Полагаем, что такого рода исследования правоприменения необходимо развивать, в том числе для анализа качеств правоприменителя.

---

⁴¹ Зинченко В.П. Психология предметного действия. М. ; СПб., 2018. С. 116.

⁴² Там же.

⁴³ См. подробнее: Честнов И.Л. Теоретические проблемы правоприменения // КриминалистЪ. 2015. № 2 (17). С. 78.

Г л а в а 3

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА ПРОКУРОРА КАК ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ

Причиной и движущей силой всех процессов в правоприменении является человек и его профессиональные качества, которые в целом составляют основу социальных процессов. В этой связи рассматриваемая проблематика является частью такого научного направления в юриспруденции, как юридическая антропология, т. е. наука о человеке как социальном существе в его правовых проявлениях, измерениях, характеристиках и личностных свойствах (их формировании), например о человеке, осуществляющем функции правоприменения.

Практически в любой юридической энциклопедии правоприменение описывается как деятельность государственных органов, обеспечивающая реализацию правовых предписаний. «Правоприменение, – как отмечает И.Л. Честнов, – важнейший аспект юридической реальности, первейшее проявление бытия права. Через правоприменение (и другие формы реализации права) происходит правовое регулирование, право оказывает воздействие на общество и обеспечивает достижение определенного социального эффекта. Поэтому проблема правоприменения является “сквозной” для всех юридических дисциплин...»⁴⁴

Совершенно справедливым представляется высказывание Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина о том, что, к сожалению, в настоящее время следует констатировать отсутствие научно обоснованных методик оценки эффективности правоприменительной деятельности, так как оценка ее эффективности затруднена прежде всего в силу отсутствия общепризнанных методологических подходов, и если обратиться к концептуальному видению Хабермаса и Бурдье, то эффективным можно считать такое правоприменение, которое способствует росту легитимности права в глазах общественности. В России, резюмирует В.Д. Зорькин, это пока недостижимый результат⁴⁵.

---

⁴⁴ Честнов И.Л. Теоретические проблемы... С. 76–77.

⁴⁵ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России : монография. 2-е изд., испр. и доп. М., 2016. С. 38.

Акт правоприменения во многом зависит не только от предписаний закона, но также и от качеств личности человека и, соответственно, от сформированных на их основе профессиональных качеств правоприменителя. Профессиональное и эффективное осуществление правоприменителем своей деятельности (служения), по сути, является актом реализации предписаний закона в социальных процессах, т. е. правоприменитель является проводником текста закона в жизнь, актуализируя зафиксированные в нем нормы (правила поведения) в жизнедеятельности индивида и коллектива. Другими словами, гражданин (обыватель) воспринимает закон (нормы права) через профессионализм и эффективность деятельности правоприменителя, а также его личностные качества (поведение в быту). Фактически на субъективность восприятия обществом нормативной системы государства влияет деятельность правоприменителя, которого индивид оценивает не только по его профессиональным, но и по личностным (человеческим) качествам.

И.Я. Дюрягин пишет, что поскольку «право выступает объективным фактором по отношению и к управляющим (в смысле применяющим право), и к управляемым лицам, то правоприменение, являясь субъективной деятельностью управляющих (одно измерение), выступает объективным фактором лишь по отношению к управляемым процессам и лицам (другое измерение). Этот вывод служит отправным для всей последующей характеристики применения норм советского права как одного из важнейших политико-юридических средств государственного управления и правового регулирования»⁴⁶.

Легитимность права и государства в индивидуальном и массовом сознании формируется в результате субъективного восприятия деятельности правоприменителя. Негативные личностные качества правоприменителя, например грубость, нетактичность, высокомерие, алчность, лицемерие и т. д., могут обесценить его профессиональные качества.

Правоприменитель обязан как в профессиональной, так и в бытовой сфере демонстрировать высокий уровень правосознания,

---

⁴⁶ Дюрягин И.Я. Применение норм советского права и социальное (государственное) управление : специальность 12.00.01 «Теория и история государства и права» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1975. С. 7.

что также в глазах общественности способствует легитимации закона и государственной власти в целом.

Д.А. Керимов писал, что «качество правосознания находится в прямой зависимости от интеллектуального уровня лица, осуществляющего правотворчество и реализацию правовых установлений. Интеллектуальность имеет существенное значение для общественной практики, в т. ч. и юридической, прежде всего потому, что определяет жизненную позицию личности, культуру ее мышления, характер межличностного общения, социальную активность, отношение к праву, законодательству и законности»⁴⁷.

В этом отношении правоприменитель в своем служении в каком-то смысле демонстрирует социальную активность и правосознание, что можно рассматривать с точки зрения воспитательной (педагогической) функции права, которую правоприменитель осуществляет (транслирует) в своей профессиональной и бытовой деятельности.

Важно понимать, что личностные и профессиональные качества правоприменителя как субъекта, участвующего в управлении и организации сложных процессов общественных отношений, преимущественно должны иметь социально ориентированный характер. Именно в этом заключаются форма и содержание (смысл) служения как деятельности, направленной на решение государственных и общественных проблем, находящихся вне рамок логики получения финансовой или иной выгоды, например такой деятельности, как врачевание, защита Родины, правозащита, преподавание и т. д.

Исходя из практики применения закона, к личности правоприменителя на разных этапах отечественной истории предъявлялись высокие требования, например в части личностных и профессиональных качеств. «Даже в рамках сугубо профессиональных качеств следователь постоянно сочетает в себе и руководителя, и воспитателя, и теоретика-исследователя, и практика-исполнителя. Кроме того, специфическая роль следователя в системе функционирования общества ко многому обязывает его и за пределами непосредственной работы. Поэтому, чтобы успешно выполнять свою общественную функцию, следователь должен

---

⁴⁷ Керимов Д.А. Проблемы общей теории права и государства : учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд. Тюмень, 2005. С. 53–54.

обладать очень широким диапазоном личностных качеств: от соответствующих психофизических и морально-волевых до таких свойств личности, как высокий профессионализм и основательная общая культура. Не последнее место в системе профессионально важных качеств следователя занимает его эстетическая развитость»⁴⁸.

В научных исследованиях качества правоприменителя подразделяют на следующие виды: «идейные (надлежащий уровень общей и политической культуры, чувство долга и ответственности и т. п.), нравственно-психофизиологические (эмоциональная уравновешенность, тактичность, способность противостоять профессионально деформирующим процессам и т. п.); собственно профессиональные (твердое знание и умение применить закон, наблюдательность, коммуникативность и т. д.)»⁴⁹.

Полагаем, что именно по этой причине практически во всех ведомствах правоохранительной системы созданы кодексы этики поведения сотрудников, например Кодекс судейской этики⁵⁰, Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации⁵¹, Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации⁵² и пр. В данных кодексах описываются требования, предъявляе-

---

⁴⁸ Афанасьев Ю.Л. Эстетика и формирование личности следователя : учеб. пособие. Волгоград, 1979. С. 43.

⁴⁹ Казанков Я.Н. Влияние личности правоприменителя на познавательную деятельность в процессе применения права // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы III Междуна. науч. конф., Казань, 20–23 мая 2015 г. Казань, 2015. С. 1–3.

⁵⁰ Кодекс судейской этики : утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. // Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2.

⁵¹ Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации : утв. Председателем Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкиным 11 апреля 2011 г. // Следственный комитет Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://sledcom.ru/document/1060> (дата обращения: 10.09.2025).

⁵² Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17 марта 2010 г. № 114 // Генеральная прокуратура Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/documents/?item=1730606> (дата обращения: 10.09.2025).

мые к определенным личностным качествам служащего – правоприменителя и рамки его поведения.

Говоря о профессиональных и личностных качествах прокурора как правоприменителя, считаем важным задаться следующими вопросами: какими качествами личности должен обладать прокурор, чтобы быть эффективным правоприменителем, и все ли качества, необходимые правоприменителю, возможно реализовать в личности человека в современных условиях?

Вопрос о качествах прокурора поставлен в ст. 40.4 «Присяга прокурора» Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», в которой закреплено, что лицо, впервые назначаемое на должность прокурора, принимает Присягу прокурора следующего содержания: «Посвящая себя служению Закону, торжественно клянусь:

<...>

постоянно совершенствовать свое мастерство, дорожить своей профессиональной честью, быть образцом неподкупности, моральной чистоты, скромности, свято беречь и приумножать лучшие традиции прокуратуры. Сознаю, что нарушение Присяги несовместимо с дальнейшим пребыванием в органах прокуратуры».

Прокурор (от лат. *procurare* – заботиться) как правоприменитель является офицером (от лат. *officium* – должность) юстиции. Применительно к качествам личности правоприменителя термин «юстиция» можно считать ключевым, так как юстиция (от лат. *justitia* – справедливость) – то же, что и правосудие⁵³. В данном контексте интерес представляет этимология слова «должность», которое образовано от должный – обязанный, образованного от «долг». Таким образом, первоначальное значение, видимо, – человек, должный выполнять определенные обязанности⁵⁴.

Этимология слова «должность» позволяет говорить о деятельности, форма и содержание которой заключаются в служении, в основе своей построенной на логике долженство-

---

⁵³ Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/19494> (дата обращения: 20.10.2025).

⁵⁴ Этимологические онлайн-словари русского языка : сайт. URL: <https://lexicography.online/etymology/д/должность> (дата обращения: 20.10.2025).

вания, «вытекающей из нравственного закона: то, что должно быть, – в противопоставлении тому, что существует»⁵⁵.

Деонтология (от греч. *deon* – должное, правильное) – «раздел этики, в котором рассматриваются проблемы долга и моральных требований. Изучает формы выражения долженствования, путем которого нравственность выражает требования социальных законов, принимает различные формы в частном поведении, общих нормах и требованиях»⁵⁶.

Относительно деонтологической природы права можно сказать, что «мир права – это в основе своей мир долженствования, а не существования. Таким образом, право представляет собой деонтологическую реальность, т. е. идеально сконструированное бытие, суть которого состоит в долженствовании, и хотя оно не замыкается на самом себе, находит проявление в эмпирическом мире, но все же не сводится к социальным фактам. Правовая реальность имеет смысловое строение»⁵⁷. В этом отношении Г.Б. Мальцев пишет, что «две ипостаси нормы права (должное и сущее) неотделимы друг от друга, не следует преувеличивать значение одной из них за счет другой. Когда юрист игнорирует смысл должного в понимании нормы, он оставляет открытым вопрос о том, откуда она получает силу и способность упорядочивать общественную жизнь, судить человеческие поступки и человеческую историю. Этическое оправдание (легитимация) функций юридической нормы лежит в плоскости нравственного должного»⁵⁸.

Исходя из этого, прокурор – это офицер справедливости, идеальный смысл этой должности состоит в том, что прокурор – это человек, призванный к служению, посвященному заботе о справедливости в обществе, отраженной в тексте закона, что во многом позволяет говорить о соответствующих требованиях к качествам личности прокурора.

---

⁵⁵ Толковый словарь Ушакова // Академик : Словари и энциклопедии на Академике : сайт. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/792398/ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ> (дата обращения: 20.10.2025).

⁵⁶ Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев [и др.]. М., 1983. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2171/ДЕОНТОЛОГИЯ (дата обращения: 20.10.2025).

⁵⁷ Постклассическая онтология права : монография / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016. С. 24–25. (Толкование источников права).

⁵⁸ Мальцев Г.В. Указ. соч. С. 564.

Важно понимать, что служение представляет собой не просто вид деятельности, но также «тип отношения человека к своей деятельности, при котором он ощущает себя ответственным и обязанным добросовестно и высокопродуктивно выполнять любую взятую на себя работу. И это независимо от того, каково руководство, каковы условия. Служение (ст. слав. – общинная служба) – это бескорыстие общественно ценных мотивов. Служением может быть помощь и поддержка кого-нибудь, строгое и точное, с самоотдачей выполнение своих прямых профессиональных функций, выполнение не по обязанности, а из внутренней гражданской позиции. В этом смысле говорят о служителях веры, науки, Аполлона (поэзии) и т. д. Не зря в народе закрепились афоризмы “служение верой и правдой”, “служение делу, а не лицам”, “служение Отчизне”, “служение народу” и т. д. Служение – это высокий долг гражданина и христианина, не опускающегося до лести, выгоды и карьеризма (все мы помним грибоедовское “служить бы рад, прислуживаться тошно”)⁵⁹.

Такое отношение человека к своей профессиональной деятельности характеризует феномен служения и позволяет выделить следующие «ценности его носителей: патриотизм, гуманистические устремления, широкий кругозор, высокие моральные идеалы, высокоразвитое чувство долга, чести и достоинства, чуткую совесть, альтруистические мотивы, трудолюбие, профессионализм, приоритет духовных ценностей над материальными, жертвенность. Служение – это подвиг в длительной временной перспективе. Такие люди являются воплощением морального идеала. Их дела и свершения способствуют нравственному совершенствованию и гармонизации социума»⁶⁰.

В большинстве случаев система ценностей для человека существует в виде индивидуальных и социальных стереотипов поведения и во многом определяет его морально-нравственные качества.

С точки зрения аксиологии (от греч. *axia* – ценность и *logos* – учение) применительно к качествам личности возникает вопрос о

---

⁵⁹ Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург, 2000. URL: https://spiritual_culture.academic.ru/2064/Служение (дата обращения: 20.10.2025).

⁶⁰ Моисеенко М.В. Нравственный феномен служения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2017. Т. 21, № 3. С. 338–345.

формировании системы ценностей в сознании человека, которым, по утверждению психолога В. Франкла, «научить невозможно: ценности должны быть прожиты»⁶¹.

Философская категория ценности понимается как «отношение между представлением субъекта о том, каким должен быть оцениваемый объект, и самим объектом. Если объект соответствует предъявляемым к нему требованиям (является таким, каким он должен быть), он считается хорошим, или позитивно ценным; объект, не удовлетворяющий требованиям, относится к плохим, или негативно ценным; объект, не представляющий ни хорошим, ни плохим, считается безразличным, или ценностно нейтральным»⁶².

В этом отношении ценности – это не просто философская категория, но система координат, выработанная социумом и отражающаяся (транслируемая) с помощью культуры и искусства на индивидуальном и массовом уровнях сознания, соответственно, позволяющая осознать смысл своего существования. Очевидно, что для формирования ценностей в индивидуальном и массовом сознании первостепенную роль играет педагогическое воздействие на индивида в части создания воспитательной (педагогической) коммуникативно-смысловой среды, являющейся неотъемлемой и естественной составляющей жизнедеятельности личности.

Служение в области правоприменения можно рассматривать как проявление логики долженствования, выражающейся в познавательной деятельности, связанной с анализом и оценкой сущего (общественных отношений, правоотношений) и его сравнением с должным, отраженным в нормах права. В этом смысле считаем возможным сравнивать правоприменительную деятельность с функцией социального иммунитета, под которым понимается «механизм невосприятия обществом любых аномальных для его естественно-исторического развития отклонений, способных

---

⁶¹ Франкл В.Э. Воля к смыслу. М., 2018. С. 46.

⁶² Философия : энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2004. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1350/ЦЕННОСТЬ (дата обращения: 14.12.2019).

перерождаться в социопатологическую форму и сдерживать прогресс тех систем, на базе которых они воспроизведены»⁶³.

Право также можно рассматривать как технологию социального иммунитета, осуществляющего охранительную функцию, заключающуюся в охране положительных и вытеснении негативных для индивида и социума явлений, в их предупреждении, пресечении и восстановлении нарушенных прав. Например, в ст. 21 УПК РСФСР было указано об обязательном выявлении причин и условий, способствовавших совершению преступления, при производстве дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства уголовного дела органом дознания, следователем, прокурором и судом. В настоящее время аналогичная норма в УПК РФ не отражена.

Считаем возможным определить значение и содержание правоприменения как проявления функции социального иммунитета социальной системы на основе медико-биологического понимания иммунитета. Иммунитет – от лат. *immunitas* – освобождение, избавление от чего-либо, т. е. «невосприимчивость, резистентность, сопротивляемость, способность организма защищать собственную целостность и биологическую индивидуальность»⁶⁴. Фактически иммунитет является системой иммунобиологического надзора, представляющего собой «тонко регулируемый процесс, обеспечивающий обнаружение, деструкцию и элиминацию из организма носителя чужеродной антигенной информации»⁶⁵.

Основываясь на этом, отметим, что в системе органов государственной власти одним из важнейших органов, выполняющих функцию социального иммунитета, является прокуратура, основная задача которой заключается в осуществлении от имени Российской Федерации надзора за соблюдением законности.

Если говорить о значении термина «надзор», то в Толковом словаре Ожегова под словом «надзирать» понимается «наблю-

---

⁶³ Российская социологическая энциклопедия / сост. Г.В. Осипов. URL: https://sociologicheskaya.academic.ru/383/ИММУНИТЕТ_СОЦИАЛЬНЫЙ (дата обращения: 20.10.2025).

⁶⁴ Биология. Современная иллюстрированная энциклопедия / гл. ред. А.П. Горкин. М., 2006. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_biology/2041/ИММУНИТЕТ (дата обращения: 20.10.2025).

⁶⁵ Литвицкий П.Ф. Система иммунобиологического надзора и иммунопатологические синдромы // Вопросы современной педиатрии. 2007. № 3. С. 62–70.

дать с целью присмотра, проверки»⁶⁶, что является познавательной деятельностью, в которой система знаний и методы их применения субъектом надзора должны если не превышать по сложности аналогичную систему объекта надзора, то, по крайней мере, быть равной ей. Иначе, осуществление надзора предполагает наличие у субъекта надзора знаний, превышающих сложность деятельности объекта и методов наблюдения и проверки, позволяющих распознать и выявить нарушения. Это требует наличия у прокурора как правоприменителя, осуществляющего функции надзора и уголовного преследования, системы развитых качеств личности для выполнения такой сложной познавательной деятельности.

Вышесказанное позволяет говорить о содержательной стороне служения, которая определяется соответствующими личностными качествами служащего, с помощью которых реализуются высокие требования к профессиональной деятельности, указанные в Присяге прокурора.

В целом это позволяет говорить о метафизике прокурорского служения в том смысле, что значение этой деятельности выходит за пределы формального понимания функций прокурора, изложенных в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» или, например, в ст. 37 «Прокурор» УПК РФ, в которой закреплено, что «прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия».

Требования к качествам личности, необходимым прокурору для осуществления служения закону, определены в Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации, утвержденной приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 17 марта 2010 г. № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации», в разделе 5 «Мо-

---

⁶⁶ Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 20.10.2025).

ральные и психологические требования, предъявляемые к работникам органов и организаций прокуратуры»: «оценка пригодности работника к службе в органах и организациях прокуратуры осуществляется по медицинскому, образовательному и психологическому критериям.

Медицинский критерий предполагает изучение общего состояния физического и психического здоровья прокурорского работника.

Образовательный критерий включает наличие юридических знаний, высокого уровня образованности и эрудиции, общей культуры, необходимых прокурорскому работнику для успешного выполнения служебных обязанностей.

Психологический критерий предполагает соответствие личности прокурорского работника требованиям, предъявляемым к содержанию, особенностям профессиональной деятельности, а также к условиям, в которых она протекает.

Данный критерий включает четыре блока профессионально важных психологических свойств и качеств субъекта:

морально-нравственные качества и мотивационные характеристики работника (развитое правосознание, доминирование социально значимых мотивов при осуществлении профессиональной деятельности, стремление к достижению успеха в работе, к завоеванию авторитета и уважения среди коллег и др., честность, принципиальность, гражданское мужество, чувство долга, совесть, ответственность, обязательность, добросовестность, исполнительность, дисциплинированность, аккуратность);

развитые познавательные способности (оперативность, самостоятельность, гибкость, критичность и прогностичность мышления, способность к абстрагированию, развитое воображение, наблюдательность, проницательность, интуиция, способность воспринимать новую информацию и др.);

эмоционально-волевую устойчивость (высокую работоспособность, выносливость в ситуациях длительных и интенсивных физических и психических перегрузок, способность сохранять целенаправленность и продуктивность деятельности в этих условиях, устойчивость к воздействию стресс-факторов, самообладание);

развитые коммуникативные способности (способность устанавливать и поддерживать психологический контакт с различными

ми участниками общения, преодолевать психологические и коммуникативные барьеры, умение слушать партнера, способность правильно интерпретировать поведение собеседника, различать правдивые и ложные показания, хорошее владение устной и письменной речью, вежливость, тактичность, уважительное отношение к людям, умение в конфликтных ситуациях избирать и проводить правильную линию поведения)» (п. 5.2).

В пункте 6.7 Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации подчеркивается, что подбору «кадров на руководящие должности в органах прокуратуры необходимо придавать особое значение, выбирая на такую работу людей компетентных, с аналитическим складом ума, практическим опытом, обладающих организаторскими способностями, чуткостью и тактом».

Также можно привести Квалификационную характеристику должности (квалификационные требования к должности) заместителя прокурора города, района, приравненного к ним прокурора, утвержденную Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 9 января 2013 г. № 5, где в перечне необходимых для заместителя прокурора города, района, приравненного к ним прокурора моральных качеств и психологических свойств личности указаны развитый интеллект, эрудиция, творческое мышление; аналитические способности, умение оперативно воспринимать новые знания и адаптировать их к целям и задачам прокурорской деятельности.

Кроме того, качества прокурора как правоприменителя, служащего Отечеству, отражены в Концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации⁶⁷. В пункте п. 1.2 Концепции зафиксировано, что «государственно-патриотическое воспитание в прокуратуре Российской Федерации – это система мер нормативно-правового, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового, методического, научного, образо-

---

⁶⁷ Об утверждении Концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14 сентября 2022 г. № 510 : текст с изм. и доп. на 9 июня 2025 г. // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/gprf/documents/e5954485/> (дата обращения: 09.10.2025).

вательного и просветительского характера, применяемых в деятельности органов и организаций прокуратуры, общественных организаций ветеранов и пенсионеров прокуратуры, иных субъектов государственно-патриотического воспитания, направленных на формирование у работников прокуратуры любви к России, гордости за честь служить Отечеству, уважения к истории страны, готовности к выполнению в любых условиях служебного долга и конституционной обязанности по защите Родины от внешних и внутренних угроз».

Приведенные выше качества прокурора как правоприменителя можно подразделить на когнитивные (от лат. *cognitio* – восприятие, познание) и психолого-этические (морально-нравственные).

Когнитивные качества личности прокурора как правоприменителя определяются: развитым интеллектом, эрудицией, творческим мышлением, оперативностью, самостоятельностью, гибкостью, критичностью и прогностичностью мышления, способностью к абстрагированию, развитым воображением, наблюдательностью, проницательностью, интуицией, способностью воспринимать новую информацию (умением оперативно воспринимать новые знания и адаптировать их к целям и задачам прокурорской деятельности), аналитическим складом ума (аналитическими способностями), организаторскими способностями, способностью устанавливать и поддерживать психологический контакт с различными участниками общения, преодолением психологических и коммуникативных барьеров, умением слушать собеседника, способностью правильно интерпретировать поведение собеседника, различением правдивых и ложных показаний, хорошим владением устной и письменной речью.

Данный перечень когнитивных качеств прокурора как правоприменителя, на наш взгляд, обусловлен тем, что его профессиональная деятельность построена преимущественно на использовании когнитивных (интеллектуальных) ресурсов человека. Прежде всего это связано с тем, что так называемая надзорно-познавательная деятельность направлена на исследование сложных ситуаций социального характера, включающих общественные отношения, правоотношения, правонарушения и систему норм права. Такая познавательная деятельность построена на теоретическом знании, которое, по сути, представляет собой си-

стему сложных гуманитарных понятий, таких как истина, справедливость, совесть, ответственность, норма права, право, закон, общество, государство, правонарушение, правосудие и другие, являющиеся сложными абстрактными категориями, формируемыми и познаваемыми преимущественно на рациональном уровне познания (понятие, суждение, умозаключение). Эти категории невозможно ощутить и воспринять с помощью органов чувств (зрение, слух, осязание и т. д.), т. е. невозможно отобразить и сформировать их образ в сознании посредством чувственного уровня познания. Другими словами, такие категории формируются и обретают реальность исключительно в сознании индивида благодаря не чувственному восприятию, а развитой мыслительной деятельности, преимущественно основанной на абстрактно-логическом мышлении, позволяющем оперировать в сознании цифрами, формулами, символами, знаками и отвлеченными (воображаемыми) понятиями, категориями, которые не улавливаются (не фиксируются) органами чувств человека.

В этом смысле прокурор как субъект познания в области правоприменения должен обладать развитыми когнитивными качествами (способностями), т. е. навыками познавательной деятельности, выражающимися в способности к умственному восприятию и переработке внешней информации (память, внимание, когнитивная гибкость, воображение, речь, способность логически рассуждать). В этом же контексте следует говорить о необходимости наличия развитых интеллектуальных ресурсов, которые представляют собой совокупность накопленной информации и знаний, а также «невещественный (незримый) капитал, но самый главный – это знания, умения, информация, технологический и духовный потенциал людей, уровень и качество их образования...»⁶⁸.

О когнитивных (познавательных) качествах и интеллектуальных ресурсах прокурора В.Л. Васильев, являющийся одним из основателей юридической психологии, писал, что «ум прокурора характеризуется следующими свойствами:

---

⁶⁸ Зорин В.И. Евразийская мудрость от А до Я : толковый словарь. Алматы, 2002. URL: https://eurasian_wisdom.academic.ru/398/ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ_РЕСУРСЫ (дата обращения: 20.10.2025).

глубиной – способностью проникнуть в сущность фактов, понять смысл происходящего, предвидеть ближайшие и отдаленные, прямые и побочные результаты явлений и поступков;

широтой – умением охватить широкий круг вопросов и фактов, привлекая знания из различных областей теории и практики;

мобильностью – способностью к продуктивному мышлению, мобилизации и использованию знаний в сложных условиях, в привычной обстановке;

быстротой – умением решать задачи в минимальное время, ускоренно оценивая обстановку и принимая необходимые меры;

самостоятельностью – способностью к постановке цели и задач, умением находить их решение и пути к их достижению без посторонней помощи;

целеустремленностью – волевой направленностью мышления на решение определенной задачи, способностью длительное время удерживать ее в сознании и последовательно, планомерно думать над ее разрешением;

критичностью – умением взвешивать сообщения, факты, предположения, отыскивая ошибки и искажения, раскрывая причины их возникновения;

гибкостью – умением подойти к явлению с различных точек зрения, устанавливать зависимости и связи в порядке, обратном тому, который уже был усвоен, варьировать способы действия, перестраивать свою деятельность и изменять принятые решения в соответствии с новой обстановкой»⁶⁹.

Одна из основных проблем развития и формирования когнитивных качеств личности прокурора видится в необходимости соответствующего уровня общего и профессионального образования и способности к дальнейшему постоянному самообучению и саморазвитию. Кодексом этики прокурорского работника Российской Федерации установлен образовательный критерий, включающий наличие юридических знаний, высокого уровня образованности и эрудиции, общей культуры, необходимых прокурорскому работнику для успешного выполнения служебных обязанностей.

---

⁶⁹ Васильев В.Л. Юридическая психология : учеб. для вузов. 6-е изд. СПб., 2012. С. 178.

На наш взгляд, фундаментальность формирования личности правоприменителя, например в части формирования системы абстрактных категорий, связанных со справедливостью (истина, правда, совесть, служение, миссия и т. д.), во многом обеспечивается не профессиональным юридическим, а общим образованием с развитой воспитательной функцией. Причем для формирования и реализации таких качеств личности правоприменителя, как развитый интеллект, эрудиция, творческое мышление, способность к абстрагированию, критичность и прогностичность мышления, умение понимать психологию человека, основой следует считать не профессиональное юридическое обучение, а общий уровень образования человека.

Здесь уместно привести слова выдающегося русского юриста А.Ф. Кони о том, что образованный юрист должен быть человеком, в котором общее образование идет впереди специального: «...он не должен ограничиваться одним знанием права, кассационных решений, не должен быть “статистом” ... от слова “статья”, – нет, он должен быть широко и глубоко образованным человеком, сведущим в истории, искусстве, литературе. С таким судьей не сделается ремесленником. Игнорируя эти условия, судья упустит из виду высший предмет правосудия – человека»⁷⁰.

По нашему мнению, в процессе получения юридического образования для формирования и развития познавательных качеств правоприменителя, в особенности таких, как критичность и прогностичность мышления, способность к абстрагированию, развитое воображение, интуиция, способность воспринимать новую информацию, целеустремленность, творческое мышление, а также развитые аналитические способности (аналитический склад ума), необходимо наличие целостного мировоззрения, теоретико-методологический фундамент которого основан на системной методологии, т. е. знаниях в области системного подхода (общая теория систем и системного анализа, теория управления и организации, теория информации).

О важности системного подхода в деятельности правоприменителя В.В. Ключков писал: «Недооценка возможностей использования системного подхода в отдельных науках замедляет их развитие, препятствует адекватной оценке совокупности полу-

---

⁷⁰ Кони А.Ф. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 3. М., 1967. С. 7.

ченных результатов исследований, способствует консервации устаревших представлений о предмете науки, понятии и терминологии»⁷¹.

Системный подход представляет собой «направление методологии научного познания и социальной практики, в основе которой лежит рассмотрение объектов как систем. <...> При системном подходе объект как часть реального мира, выделенная наблюдателем для исследования, заменяется системой объекта, используемой часто в качестве модели объекта. Задача субъекта – выделить объект из среды и описать его наблюдаемые свойства на соответствующем уровне отражения в виде системы. Применяются два типа системных операций: абстрагирование и конкретизация. На основе этих операций и системного подхода для описания объекта и его поведения строятся системы различных уровней сложности. Построив системное описание объекта, приступают к системному анализу. Основная процедура – построение обобщенной модели, отображающей взаимосвязи реальной ситуации. При исследовании системного объекта его выделяют как целостное образование, обращая внимание на интегральные свойства, важные с точки зрения его специфики как элемента системы следующего уровня»⁷².

В рамках общего междисциплинарного подхода понятие «системный анализ» можно описать как «совокупность методологических средств, используемых для подготовки и обоснования решений по сложным проблемам политического, военного, социального, экономического, научного и технического характера. Опирается на системный подход, а также на ряд математических методов и современных методов управления. Основная процедура – построение обобщенной модели, отображающей взаимосвязи реальной ситуации»⁷³.

Основным системным научным методом, используемым в процессе познания в деятельности будущего юриста и действующего

---

⁷¹ Ключков В.В. Актуальные проблемы теории законности и прокурорского надзора : монография / сост.: А.В. Ключкова, О.В. Пристанская ; Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2012. С. 250.

⁷² Кононов А.А., Честнов И.Л. Системные исследования норм права : учеб. пособие. СПб., 2001. С. 18.

⁷³ Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/272538> (дата обращения: 20.10.2025).

шего правоприменителя, призван стать системный анализ. Системный анализ можно назвать не только научным методом познания, но и когнитивной технологией, содержащей в себе этапы (процедуры) мыслительной деятельности субъекта познания, в которой отражены все вышеперечисленные познавательные (когнитивные) качества правоприменителя. Другими словами, системный подход и системный анализ не только являются методами исследования сложных объектов системной природы, к которым относятся нормативно-правовые акты, общественные отношения и социальные процессы, но и представляют собой своего рода технологию управления и организации мыслительной деятельности субъекта познания, способствуя развитию и формированию системного мышления.

Например, прокурор, осуществляющий поддержание государственного обвинения в суде по уголовным делам, должен сначала изучить преступление, отраженное в уголовном деле, и далее сформировать в сознании целостное представление (мысленную модель) о сложном объекте, имеющем системную природу. Отметим, что системная природа присуща любому объекту исследования.

Следовательно, с точки зрения полноты, всесторонности и объективности исследования таких сложных социальных объектов (явлений), как правонарушения или преступления, в процессе их изучения необходимо представлять их в виде системы и использовать методологию теории систем и системного анализа.

Здесь важно отметить, что исследователями в области теории систем Ф.И. Перегудовым и Ф.П. Тарасенко была высказана мысль, прекрасно иллюстрирующая значимость и актуальность системной методологии для развития когнитивных качеств прокурора. Она заключалась в том, что системный анализ и, соответственно, системный подход можно рассматривать как практическую реализацию диалектического метода познания, а системный анализ (системный подход) – как «прикладную диалектику»⁷⁴. Напомним, диалектический метод познания является основой теории доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве, которые составляют фундамент профессионального мыш-

---

⁷⁴ Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. Введение в системный анализ. М., 1989. С. 4.

ления прокуроров, осуществляющих функции надзора за следствием и дознанием, а также поддерживающих государственное обвинение в суде.

Основная проблема формирования и развития когнитивных качеств правоприменителя на основе принципа системности заключается в том, что в юридических вузах не преподается курс по общей теории систем и теоретическим основам системного анализа.

Полагаем, что внедрение и использование в учебном процессе положений общей теории систем и системного анализа будет способствовать развитию системного мышления, составляющего основу аналитического склада ума, которое в целом можно назвать фундаментом для формирования когнитивных качеств правоприменителя.

Психолого-этические (морально-нравственные) качества личности прокурора как правоприменителя определяются: честностью, принципиальностью, гражданским мужеством, чувством долга, совестью, ответственностью, обязательностью, добросовестностью, исполнительностью, дисциплинированностью, аккуратностью, чуткостью, вежливостью, тактичностью, уважительным отношением к людям, развитым правосознанием, доминированием социально значимых мотивов при осуществлении профессиональной деятельности, стремлением к достижению успеха в работе и завоеванию авторитета и уважения среди коллег, умением в конфликтных ситуациях избирать и проводить правильную линию поведения, эмоционально-волевой устойчивостью (высокая работоспособность, выносливость в ситуациях длительных и интенсивных физических и психических перегрузок, способность сохранять целенаправленность и продуктивность деятельности в этих условиях, устойчивость к воздействию стресс-факторов, самообладание).

Полагаем, что сущность и содержание указанных психолого-этических качеств прокурора может быть проявлена в смысле следующих изречений (афоризмов): *Salus populi suprema lex est*. Благо народа – высший закон; закону служат не за зарплату, а по совести; закону нельзя служить за зарплату – ему надо принадлежать.

Можно сказать, что все эти изречения говорят о высоком уровне требований, прежде всего к психолого-этическим (мо-

рально-нравственным) качествам личности правоприменителя. Эти качества могут быть реализованы только через осознание сложных философских понятий (таких как правда, истина, справедливость, закон, право, долг, честь, совесть), которые, как было уже описано ранее, невозможно воспринять с помощью чувственного познания и на эмпирическом уровне познания. Эти фундаментальные для любого юриста понятия могут быть осмыслены только на рациональном уровне познания с помощью абстрактного мышления. В качестве иллюстрации отметим, что, например, такие атрибуты человеческой цивилизации, как искусство, культура, наука, во многом являются результатом абстрактного мышления.

Другими словами, в сознании правоприменителя должна быть сформирована категориальная сетка (система) из высших абстрактных категорий, что возможно только при высокой степени развитости интеллектуальных и мыслительных качеств личности. Более того, эти понятия (категории) должны быть в сознании личности не как набор терминов (тезаурус), используемых в речи, но как система абстрактных категорий, являющихся принципиальными базовыми установками личности человека. Кроме того, данные категории должны являться основой жизненной позиции человека, причем не только в профессиональной деятельности, но и в быту.

Можно сказать, что идеологическая компонента служения прокурора, относящаяся, по сути, к психолого-этическим качествам, помимо патриотического содержания основана на поиске и осознании высшего смысла права, наполняющего социально значимым содержанием правоприменительную деятельность, выраженную в служении закону и стремлении к достижению справедливости.

С точки зрения философии человека и теории познания высший смысл права и деятельность по служению закону связаны с процессами поиска истины и достижения справедливости, что позволяет рассмотреть в правоприменительной деятельности своего рода признаки осуществления социальной миссии, сравнимой с врачеванием. Важно понимать, что в данном случае речь идет не о достижении истины и справедливости как таковых, а об активном, осознанном, направленном процессе перманентного волевого движения, обеспечивающем максимально возможное приближение к ним.

Напомним, что понятие «достижение объективной истины» было зафиксировано в УПК РСФСР в качестве принципа уголовного судопроизводства, например в ст. 20 «Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела». Также в тексте закона употреблялось такое понятие, как установление истины, которое преимущественно осуществлялось с помощью криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства. В УПК РФ слово «истина» в тексте закона не используется вообще и, можно сказать, заменено словосочетанием «состязательный процесс», что допустимо рассматривать как пример доминирования постмодернистских взглядов в сознании и мышлении субъектов правотворчества. Однако вне зависимости от этого процесс уголовного судопроизводства имеет исследовательский характер, в особенности на досудебных стадиях, результатом которых является уголовное дело, по сути, представляющее собой высокообъективизированную модель события преступления, что свидетельствует о направленности к достижению объективной истины.

Это говорит о том, что прокурор как субъект правоприменения, деятельность которого по реализации закона является сложным процессом познания, должен иметь мировоззренческий базис, позволяющий понимать сущность и содержание проявления индивидуального и массового (коллективного) сознания в социальных процессах, временная протяженность (длительность) которых превышает жизнь отдельного человека. В этом смысле познание высшего смысла права и служение закону как деятельность гносеологического характера, в своей основе имеющая идеалистическую целеустремленность на поиск истины и достижение справедливости, построены на осознании субъектом правоприменения следующих так называемых «вечных, философских, метафизических» вопросов: кто я?, откуда я?, для чего я?, где я нахожусь?, а также вопросов, определяющих человека как социальное существо: кто я?, кто мы?, кто (что) мой враг?, чему или кому я служу?

Иными словами, по нашему мнению, в условиях отсутствия идеологической составляющей в жизни человека и общества, но доминирования материалистической (потребительской) системы ценностей для правоприменителя главенствующей идеологической составляющей в формировании личностных и профессиональных качеств призвано стать постижение высшего смысла

права, т. е. метафизика права и метафизика служения закону, заключающаяся в нематериальных, духовных ориентирах и мотивационных факторах, определяющих направленность личности прокурора в профессиональной деятельности и в быту.

Полагаем важным отметить, что в советский период истории отечественной прокуратуры, отличавшийся наличием государственной коммунистической идеологии, также наблюдались случаи нарушения служебной дисциплины, а также правил морали и нравственности, находившие отражение в приказах и инструкциях Генерального прокурора СССР. Например, в Указании заместителя Генерального прокурора СССР от 17 июня 1967 г. № 6/42 говорилось, что «принятые без достаточной проверки в органы прокуратуры морально неустойчивые лица злоупотребляли служебным положением, неправильно вели себя в быту»⁷⁵. В приказе Генерального прокурора СССР от 22 января 1969 г. № 4 констатировалось, что «не везде уделяется должное внимание идейной закалке кадров, формированию марксистско-ленинского мировоззрения, воспитанию сознательной дисциплины, непримиримости к недостаткам, соблюдению принципов коммунистической морали. Недостатки и упущения в подборе и воспитании кадров, отсутствие контроля и требовательности приводят к тому, что некоторые прокуроры и следователи допускают нарушения служебного долга, трудовой и государственной дисциплины, аморальные поступки»⁷⁶.

Таким образом, считаем, что содержание и смысл вышеуказанных психолого-этических качеств прокурора может быть выражен в таких трех базовых понятиях, как совесть, справедливость и социальная ответственность.

Совесть является одной из сложнейших категорий этики и представляет собой «способность человеческого духа познавать этические ценности в их реальности и вместе с выдвигаемыми ими требованиями; способ, каким чувство ценности становится значимым для человека; в более узком смысле – нравственное сознание, чувство или знание того, что хорошо и что плохо, справедливо или несправедливо; субъективное сознание соответствия или несоответствия собственного поведения нравственным цен-

---

⁷⁵ Сборник действующих приказов и инструкций Генерального прокурора СССР / сост.: В.И. Никулина, М.И. Столбова, И.Н. Ширяев. М., 1971. С. 330.

⁷⁶ Там же. С. 318.

ностям. Совесть как изначальное нравственное побуждение является врожденной, но благодаря внешнему влиянию может развиваться или заглухнуть»⁷⁷.

Совесть как внутреннее нравственное чувство, по сути, принуждает человека оценивать свою физическую и мыслительную деятельность и ее отражение в социальной реальности с точки зрения этики. С некоторой степенью упрощения отметим, что в основе совести как нравственного чувства и психического процесса лежит рефлексия (от лат. *reflectio* – отражение), представляющая собой мыслительную способность деонтологического характера по конструированию моделей должного и сущего, их анализу, оценке и сопоставлению со своими действиями (бездействием).

Напомним, в ст. 17 УПК РФ, посвященной свободе оценки доказательств, установлено, что субъекты уголовного судопроизводства оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Как было отмечено, совесть «благодаря внешнему влиянию может развиваться или заглухнуть». Учитывая то, что в обществе сформирована средствами массовой информации информационно-смысловая среда, в которой осуществляется агрессивная трансляция деструктивной (антипедагогической) информации (индивидуализм, эгоизм, потребительство, агрессивность и т. д.), можно сделать вывод о негативном влиянии на развитие совести, т. е. ее угнетении. Формирование негативной информационно-смысловой среды является следствием философии постмодернизма и ее влияния на общественную жизнь, образование, культуру, а также уголовное судопроизводство и юриспруденцию в целом.

В этой связи применительно к защитникам В.Л. Васильев отмечал, что «главный судья юриста – его собственная совесть. Именно она должна подсказать защитнику допустимость тех искусственных приемов, которые ему приходится использовать, выполняя свои обязанности. Именно совесть служит для адвоката тем ограничителем, который отделяет, с одной стороны, от тру-

---

⁷⁷ Философский энциклопедический словарь. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1114/СОВЕСТЬ (дата обращения: 20.10.2025).

сости, перестраховки, а с другой – от цинизма и попрания норм нравственности»⁷⁸.

Более того, важность категории совести в формировании психолого-этических качеств прокурора заключается в том, что прокуратура с момента своего основания Петром I получила также наименование – око государево.

Существует изречение, что совесть – это око Божие в душе человека. Подобное изречение использовал К.П. Победоносцев: «На началах нравственности создается искусственная совесть, но христианская совесть есть око Божие в душе человека...»⁷⁹.

Исходя из этого, можно сказать, что прокуратура как око государево выполняет в государстве роль совести.

Совесть как абстрактную категорию во многом следует считать явлением метафизическим, т. е. понятием, не имеющим материального измерения, но имеющим в своей основе религиозное происхождение. Также метафизичность совести как нематериального явления духовного мира личности заключается в том, что у совести не может быть количественного измерения, она либо есть, либо ее нет. Кроме того, совесть не может быть избирательной.

В одном ряду с категорией совести стоят такие понятия, как долг, честь, служение, миссия. В этом смысле осуществление функции совести в социальной системе не может быть ограничено рабочим временем выполнения процесса, такая деятельность осуществляется постоянно и, соответственно, не может именоваться работой. Для обозначения подобной деятельности необходимо использовать слова «служение» или «миссия».

Совесть также можно отнести к высшим абстрактным категориям, составляющим единую систему нематериальных ценностей, являющуюся основой для осмысления категории справедливости (обостренное чувство справедливости) и ее проявления в виде принципа в деятельности прокурора. Иначе, развитость справедливости (обостренного чувства справедливости) прямо пропорциональна развитости совести как нравственного чувства и психического процесса.

---

⁷⁸ Васильев В.Л. Этика в юриспруденции и предпринимательской деятельности. СПб., 1995. С. 30.

⁷⁹ Победоносцев К.П. Вопросы жизни. Ученье и учитель. Письмо к Николаю П. М., 2010. С. 193.

В связи с этим *справедливость* следует рассматривать как категорию общественного, а не частного порядка.

Отметим, что в п. 5.5.1 Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации в редакции от 22 апреля 2011 г. было выделено такое ключевое качество прокурора, как обостренное чувство справедливости, смысл которого, по нашему мнению, во многом обусловлен содержанием терминов «прокурор» и «офицер юстиции».

В Кодексе этики прокурорского работника Российской Федерации в редакции от 13 апреля 2018 г. указано, что прокурорский работник руководствуется принципом справедливости (пп. 2.1.2, 2.2.2).

Справедливость рассматривается как «понятие о должном, соответствующее определенным представлениям о сущности человека и его неотъемлемых правах. Справедливость – категория морально-правового, а также социально-политического сознания. Так, понятие справедливость содержит в себе требование соответствия между практической ролью различных индивидов (социальных групп) в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугами людей и их общественным признанием. Несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость»⁸⁰.

Справедливость, конечно же, является сложным философским абстрактным понятием, которое невозможно познать с помощью чувственных методов, с помощью основных чувств человека. Такую сложную категорию, как справедливость, в сознании человека возможно сформировать и осмыслить только на уровне абстрактного мышления. Справедливость можно назвать абстрактным понятием (мысленной конструкцией), для восприятия которого требуется умение абстрагироваться при совершении познавательных операций, что требует рассмотренных ранее развитых когнитивных качеств и интеллектуальных ресурсов правоприменителя.

Для познания такого сложного, имеющего природу отвлеченного понятия, как справедливость, в сознании личности на

---

⁸⁰ Философский энциклопедический словарь. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1150/СПРАВЕДЛИВОСТЬ (дата обращения: 20.10.2025).

уровне абстрактного мышления должна быть сформирована система сложных абстрактных категорий, например о правде, любви, честности, равенстве, неравенстве, обществе, Родине, долге, чести, ответственности и т. д.

Говоря о формировании личностных качеств правоприменителей и юристов, Е.Г. Шрайбер пишет, что «справедливость и ответственность базируются на совести и, являясь качествами полностью воспитуемыми, образуют, как две “чаши весов”, основу для гармоничного развития личности и специалиста-профессионала. Важно, чтобы эти два качества развивались равномерно, так как недостаточное воспитание одного из них приведет к нарушению равновесия в структуре личностных качеств человека, а это недопустимо. Например, за вынесенное решение, не соответствующее закону и являющееся несправедливым по отношению к какой-либо стороне процесса, юрист должен нести ответственность. Причем отвечает он не только перед обществом, перед участниками процесса, но и перед собой и своей совестью. Совесть же, находясь во взаимосвязи с двумя другими качествами, тоже будет развиваться. Таким образом, для подготовки высококвалифицированных специалистов в программе высшего образования, помимо передачи профессиональных знаний, умений и навыков, необходимо уделять внимание и воспитанию личностных качеств будущих специалистов. В нашем случае – это воспитание справедливости и ответственности, а значит, и совести как целостного образования, которые являются социальной ценностью. От уровня воспитанности данных качеств будет зависеть успешная реализация своего личностного и профессионального потенциала будущими юристами. Задача же педагогов – максимально эффективно способствовать воспитанию личностных качеств будущих юристов в процессе получения ими высшего образования»⁸¹.

В этом смысле деонтичность содержания понятия совести заключается в «способности человека, критически оценивая себя, осознавать и переживать свое несоответствие должному – неисполненность долга. Феноменологическими проявлениями совести являются внутренний эмоциональный дискомфорт (“укоры, муки

---

⁸¹ Шрайбер Е.Г. Личностные качества будущих юристов как педагогическое понятие // Вестник Южно-Уральского университета. Серия: Образование. Здравовохранение. Физическая культура. 2007. № 6 (78). С. 48–52.

совести”), чувство вины и раскаяние. С культурно-исторической точки зрения идея и понятие совести складываются в процессе осмысления различных механизмов самоконтроля. В отличие от страха (перед авторитетом, наказанием) и стыда (в котором также отражается осознание человеком своего несоответствия некоторым принятым нормам), совесть воспринимается как автономная»⁸².

Развитость этих фундаментальных категорий в структуре личности человека формирует и определяет систему жизненных принципов, имеющих руководящее значение в когнитивных процессах по поиску, распознаванию, анализу, оценке и синтезу информации и, как результат, выработке и принятию решений в области правоприменения.

Процесс формирования и степень развитости категорий совести и справедливости и их отражение в структуре личности, по нашему мнению, пропорциональны организации и интенсивности педагогического (воспитательного) воздействия, что указано в п. 5.5 Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации, в которой отмечается необходимость проведения воспитательной работы, ориентированной на формирование профессиональных и личностных качеств прокурора.

Можно сказать, что совесть и справедливость формируют социальную ответственность, являющуюся коммуникативной характеристикой личности, определяющей роль и поведение человека как элемента социальной системы.

Социальная ответственность с точки зрения когнитивных свойств личности также имеет деонтическую природу, так как, конструируя и участвуя в отношениях с индивидами и коллективом, человек в сознании создает мысленные модели должного и воспринятого сущего. Степень расхождения между ними будет формировать представление (мнение) и ощущение (чувство) социальной ответственности, представляющей собой «отношения между личностью и социальной группой, обществом, базирующиеся на осознанном выполнении ими взаимных обязательств и своих обязанностей, вытекающих из нормативных актов, регули-

---

⁸² Новая философская энциклопедия. В 4 т. / под ред. В.С. Степина. М., 2001 // Академик : Словари и энциклопедии на Академике : сайт. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1114/СОВЕСТЬ (дата обращения: 20.10.2025).

рующих социальные отношения, а также из традиций и ценностных установок. Формирование социальной ответственности происходит под воздействием социально-экономических условий, социально направленной политической системы, духовной культуры общества. Общество, где социальная ответственность диффузна и размыта, характеризуется высоким конфликтогенным потенциалом»⁸³.

Руководство принципом справедливости и его ведущая роль в процессах познания при осуществлении профессиональной деятельности способствуют формированию в сознании прокурора своего рода проективного мышления, конструирующего деонтологические модели (сущего и должного) результатов его правоприменительной деятельности. В этом отношении правоприменение можно рассматривать с позиции реализации личностью своего общественного долга в профессиональной деятельности, в которой принимаются решения, прогнозируются и оцениваются их последствия, исходя из интересов не только индивидов или небольших групп (коллективов, организаций), но и интересов больших социальных групп и социума в целом. Это порождает профессиональную (буквально – личную) заинтересованность в достижении эффективных и оптимальных результатов правоприменения с учетом влияния их последствий на индивидуальном и коллективном уровнях. В целом это можно назвать социальной ответственностью, которая наравне с совестью не может быть избирательной, т. е. применяться исключительно в профессиональной деятельности. Иначе, равнозначное распространение (активное действие) в бытовой и профессиональной сферах деятельности позволяет говорить о подлинности и полноценности формирования и отражения социальной ответственности в сознании правоприменителя как этического принципа и формы социальной саморегуляции и коммуникации.

Руководство этическими принципами справедливости и социальной ответственности придает целеустремленность профессиональной деятельности прокурора, что также является психолого-этическим качеством, представляющим собой нравственно-

---

⁸³ Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. // Академик : Словари и энциклопедии на Академике : сайт. URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/17583/СОЦИАЛЬНАЯ_ОТВЕТСТВЕННОСТЬ (дата обращения: 20.10.2025).

волевое качество личности, определяющее волевою направленность на выполнение правоприменителем функций, возложенных на него обществом и государством.

Применительно к качествам прокурора, если рассматривать целеустремленность более детально, «это компонент, характеризующий специфику каждой профессиональной деятельности и детерминированный соответствующей мотивацией. В структуру профессиональной направленности прокурора входят прежде всего такие общие цели, как стремление к установлению справедливости, защита прав и интересов граждан и государства. При этом прокурор прежде всего ставит перед собой стратегическую цель, предвидя конечную эффективность определенной правоприменительной деятельности. Реализация мотивации и достижения целей осуществляется прокурором в форме решения конкретных задач правосудия. Решение таких задач осуществляется путем определенных психологических операций, проходящих как в форме внутренних, умственных (интериоризированных), так и в форме внешних, моторно-речевых (экстериоризированных) действий. В решении задач прокурорской деятельности наиболее активное участие принимают такие интеллектуальные процессы, как мышление и речь, память, восприятие, внимание, в связи с чем мы относим эту деятельность к сложным высокоинтеллектуальным видам труда. Указанные интеллектуальные (познавательные) процессы составляют комплексы профессионально важных свойств личности прокурора и должны выступать ведущими критериями профессионального отбора, оценки производительности служебной деятельности, оценки перспектив профессионального роста специалиста»⁸⁴.

Исходя из вышесказанного, уместно задаться вопросом, на что должна быть ориентирована целеустремленность правоприменителя-прокурора: на карьерный рост или на стремление к справедливости, учитывая определяющее значение этого качества для формирования личности прокурора?

Правоприменитель, помимо обостренного чувства справедливости, должен обладать способностью распознавать и анализировать общественные отношения, приводящие к нарушению за-

---

⁸⁴ Кобец А.В. Система профессионально важных качеств личности прокурора // Психология, социология и педагогика. 2015. № 1 (40). С. 112–121.

кона, что предполагает наличие развитых интеллектуальных и познавательных способностей личности, а также высоких морально-нравственных качеств, позволяющих противостоять таким явлениям, как коррупциогенность.

В этой связи реализация психолого-этических качеств, конечно же, зависит не только от степени развитости систем высших абстрактных категорий в сознании правоприменителя, но и от степени преобладания (направленности) в личности духовных жизненных ценностей над материальными. Иными словами, в основе мотивации в правоприменительной деятельности должны преобладать не материальные блага, а духовные ценности.

Актуальность ориентации личности на духовные ценности отражена в п. 92 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти осуществляется в целях укрепления единства народов Российской Федерации на основе общероссийской гражданской идентичности, сохранения исконных общечеловеческих принципов и общественно значимых ориентиров социального развития»⁸⁵.

Отметим, что в предыдущей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в п. 78 конкретно формулировалось, что «к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся приоритет духовного над материальным...»⁸⁶.

В настоящее время можно констатировать, что профессиональные качества правоприменителя основываются на личностных качествах человека, сформированных в условиях жесткой дихотомии или, вернее, антагонизма материальных и духовных утешений.

В этом смысле такое философское понятие, как утешение, можно представить как «успокоение человека, находящегося в состоянии расстройств, огорчения, подавленности, грусти или

---

⁸⁵ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-02072021-n-400-o-strategii/> (дата обращения: 20.10.2025).

⁸⁶ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1. Ст. 212.

уныния. Это делается разными способами – принесением радостных вестей, доставлением удовольствия, анализом возникшей проблемы в другом аспекте, переключением внимания на другие вопросы и др. Утешение облегчает переживания, показывает участливое отношение людей друг к другу. В определенных ситуациях для некоторых людей утешение бывает единственным стимулирующим средством выдержать жизненные невзгоды. Для других – утешение снижает волю, расслабляет»⁸⁷.

Соответственно, можно выделить низшие и высшие утешения. Низшие утешения связаны с системой материальных ценностей (акт потребления) – вульгарный материализм.

Относительно этого Э. Фромм писал, что «акт покупки и потребления стал принудительным, иррациональным – он просто самоцель и утерял почти всякую связь с пользой или удовольствием от купленной вещи. Купить самую модную безделушку, самую последнюю модель – вот предел мечтаний каждого; перед этим отступает все, даже живая радость от самой покупки»⁸⁸.

Развитие личностных качеств человека и профессиональных качеств правоприменителя вступает в противоречие с реалиями, диктуемыми современной экономикой, так как «деньги обнаруживают свойство отчуждать собственно социальную и культурную мотивацию, парализуя, таким образом, волю человека. Когда деньги из статичного сокровища превращаются в динамичный капитал, человек открывает для себя их главную тайну – способность к самовозрастанию. Однако одновременно способность денег отчуждать личность также приобретает новое измерение и качество, связанное с нежеланием вывести их из оборота. Ведь любая потраченная на непродуктивные – культурные, социальные, благотворительные и т. п. – цели мелочь влечет за собой и потерю той прибыли, которую она потенциально могла бы принести. Поэтому "экономический человек", занятый рациональным увеличением капитала, оказывается лишенным подлинного социального и культурного измерения, делегирует свои личностные свойства деньгам. <...> Деньги вторгаются в картину мира, привнося в нее отчуждение от базовых онтологических и аксиологических связей. Они доводят до логического завершения

---

⁸⁷ Основы духовной культуры...

⁸⁸ Фромм Э. Эссе «Человек одинок» / пер. с англ. Р. Облонской // Иностранная литература. 1966. № 1. С. 230–233.

начатое античной сократической традицией разделение субъекта и объекта, формируют дистанцию между человеком и космосом и позволяют субъекту произвольно давать оценки объектам. Иерархия ценностей подчиняется уже не непосредственным бытийным, моральным, культурным, социальным и прочим потребностям людей, а выстраивается в соответствии со стоимостью, то есть с денежным эквивалентом вещей»⁸⁹.

С определенной долей упрощения скажем, что преобладание системы материальных (низших) утешений над духовными (высшими) заключается в том, что основным мотивационным фактором в профессиональной и бытовой сферах деятельности для человека становится получение материальной выгоды, с помощью которой впоследствии будет совершен акт материального потребления. Более того, такие низшие утешения (система актов материального потребления) могут быть включены как неотъемлемый атрибут личностного развития, т. е. человек связывает свое личностное развитие только с приобретением каких-либо материальных ценностей. Здесь же можно задаться вопросом: если в человеке преобладают материальные утешения как жизненный принцип, то что (какие ценности) его, например как государственного служащего, удержит от коррупции?

Говоря о коррупции, считаем важным в качестве иллюстрации привести буквальный перевод слова «коррупция» с лат. *corrumpere* – растлевать и с лат. *corruptio* – подкуп, порча, грязь, разложение, продажность, разложение. Исходя из данного перевода, акту коррупции предшествует деструктивный процесс мутации и разложения морально-нравственных качеств личности правоприменителя.

В Кодексе этики прокурорского работника Российской Федерации в п. 5.6, посвященном профилактике профессиональной нравственной деформации, проявляющейся в искаженном отношении к служебному долгу и дискредитирующей моральный облик работника прокуратуры, приведен перечень таких отрицательных качеств, как «пренебрежительное отношение к требованиям закона, бюрократизм и формальное исполнение служебных обязанностей, высокомерие, черствость, цинизм и недоверие к

---

⁸⁹ Зарубина Н.Н. Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 13–21.

окружающим, стремление к подавлению воли человека, нравственная распущенность, моральная нечистоплотность и использование элементов криминальной субкультуры в служебной деятельности». Развитию этих негативных черт может способствовать ложное понимание работниками интересов службы, гипертрофированное развитие у них отдельных профессиональных качеств, конфликтный характер условий деятельности прокуратуры, соприкосновение работников в силу своих служебных обязанностей с негативной средой и (очень часто) конкретной человеческой бедой.

Система высших утешений, т. е. утешений, прежде всего не связанных с актами материального потребления, основана на системе общечеловеческих духовных ценностей, источником которых является то, что фактически создало человеческую цивилизацию, – культура, искусство, наука, религия. Также в данном случае можно говорить о базовых сферах интересов человека для обеспечения своего личностного развития.

Таким образом, развитие когнитивных и психолого-этических качеств правоприменителя практически находится в прямой зависимости от развитости и преобладания системы высших (духовных) утешений человека над низшими.

В этой связи считаем важным задаться принципиальным вопросом этического характера, на который обязан ответить «внутри себя и для себя» каждый правоприменитель: что для него является приоритетом в профессиональной или бытовой деятельности – личная выгода (материальная прибыль или отсутствие проблем, нарушающих комфортные условия, связанных с выполнением профессиональных обязанностей) или правда и ее поиск?

Ответ «внутри себя и для себя» прокурора на данный вопрос рефлексивного характера позволяет говорить в одном случае о подлинности служения, в другом – об имитации, заключающейся лишь в соблюдении формальных требований, предъявляемых к профессиональным качествам. Последнее свидетельствует о потере метафизики служения в прокуратуре, что говорит об утрате смысла и социального значения правоприменительной деятельности, определяющей содержание профессиональных качеств, отраженных в Кодексе этики прокурорского работника Российской Федерации, Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации и Концепции совершенство-

вания системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации.

Таким образом, такое сочетание личностных и профессиональных качеств (когнитивных и психолого-этических) прежде всего можно объяснить тем, что когнитивные качества прокурора позволяют говорить о наличии (необходимости развития) абстрактного, логического и аналитического (системного) видов мышления, которые дают возможность осуществить познание таких сложных объектов, как закон, являющийся сложным текстом, преступление (правонарушение), являющееся сложным социальным процессом, которое, в свою очередь, например, отражено в материалах уголовного дела, исследование содержания которого также требует наличия аналитических способностей, и т. д.

Когнитивные качества личности, применяемые в профессиональной деятельности, являются всего лишь инструментом в познании, который можно обратить как во благо, так и во вред. Невозможно отрицать тот факт, что, например, преступник (коррупционер) также может обладать рассмотренными выше развитыми познавательными способностями, но только имеющими антисоциальную ориентацию.

Иллюстрацией к сказанному служат слова выдающегося русского ученого-химика Д.И. Менделеева: «Знания без нравственности – меч в руках сумасшедшего».

В этом смысле психолого-этические (морально-нравственные) качества личности призваны выполнять руководящую роль по отношению к когнитивным, личностным и профессиональным качествам прокурора как правоприменителя, осуществляющего служение закону, в котором отражена деонтологическая модель «должного» развития общества.

С помощью когнитивных качеств происходит осмысление системы сложных абстрактных категорий, составляющих психолого-этические качества, но именно последние наделяют прокурорскую деятельность глубоким социальным содержанием и высшим смыслом служения Закону.

Таким образом, сочетание гармонично развитых когнитивных и психолого-этических, личностных и профессиональных качеств позволяет прокурору как «оку государеву» не просто смотреть, но видеть.

Глава 4

КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ (на примере участия прокурора в рассмотрении уголовного дела судом присяжных)

Правоприменительная практика представляет собой сложный процесс, результативность которого определяется совокупностью различных факторов, включая личностные качества субъектов правоприменения, например, одной из существенных особенностей поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей следует выделить необходимость учета роли «человеческого фактора», который оказывает существенное влияние на качество правоприменительной деятельности.

В связи с расширением применения института присяжных заседателей в Российской Федерации особую актуальность приобретают вопросы эффективного поддержания государственного обвинения работниками прокуратуры районного уровня. Имеющийся у государственных обвинителей районного звена опыт участия в рассмотрении уголовных дел судом немаловажен, но он должен быть адаптирован для работы в иных условиях. Как известно, суд с участием присяжных заседателей – это форма организации суда, где рассмотрение в судебном заседании одного дела осуществляется двумя раздельными, независимыми друг от друга, но равноправными судебными составами: первый – это жюри, состоящее из граждан – представителей общества, второй – судьи-профессионалы. Интересно, что присяжные заседатели перед судебным разбирательством, в отличие от судьи-профессионала, не знакомятся с материалами уголовного дела и выносят вердикт только на основе тех доказательств, которые им представлены и исследованы в ходе судебного следствия. Решая вопрос о виновности или невиновности подсудимого, они не разрешают вопросы права.

В свое время Густав Лебон (1841–1931) основательно исследовал психологию группы и ее влияние на поведение индивида. Полагаем, что знание и понимание закономерностей принятия решений «единым образованием, с коллективной душой, которая

и определяет ее действия, чувства, думы»⁹⁰ является обязательным компонентом в структуре профессиональных навыков прокурора, поддерживающего государственное обвинение в суде с участием присяжных заседателей.

Как справедливо отмечает В.В. Михайлов, будучи неосведомленными о порядке и методике сбора доказательств и их юридической значимости, присяжные заседатели будут оценивать не только сами доказательства, но и то, как они представлены государственным обвинителем и как он сумел опровергнуть возражения на них стороны защиты⁹¹. Анализ практики свидетельствует о том, что в ряде случаев коллегия присяжных заседателей, несмотря на наличие в уголовном деле «идеальной» доказательственной базы, испытывая недоверие к государственному обвинителю, принимала решение о невиновности подсудимого.

Игнорирование данных особенностей при организации и поддержании государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей чревато для государственного обвинителя тем, что он может быть «не принят», «не понят» и «отвергнут» коллегией. Кроме того, это существенно снижает его возможности по доведению до коллегии присяжных заседателей значимой доказательственной информации, увеличивает непредсказуемость в разрешении вопросов, отнесенных к их компетенции. Так, в рамках рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей был назначен государственный обвинитель, обладающий значительным опытом поддержания государственного обвинения в таких судебных процессах. По делу имелась обширная доказательственная база, подтверждающая виновность подсудимого, и, казалось бы, не должно было возникнуть сложностей в опровержении аргументов стороны защиты, которая пыталась поставить под сомнение версию обвинения. Однако анализируя реакцию и поведение присяжных заседателей, государственный обвинитель почувствовал, что между ним и коллегией отсутствует полноценный контакт, а доверие к его позиции не является абсолютным. Данное наблюдение было доложено руко-

---

⁹⁰ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 108–110.

⁹¹ Михайлов В.В. Особенности предварительного следствия по уголовным делам, подсудным суду с участием присяжных заседателей // КриминалистЪ. 2018. № 2 (23). С. 35.

водству прокуратуры, и было принято решение о формировании группы государственных обвинителей. В состав группы, помимо уже участвовавшего прокурора, был включен еще один специалист. Совместно продолжая участие в рассмотрении данного уголовного дела и наблюдая за поведением коллегии присяжных, участники группы отметили, что присяжные стали более внимательно и охотно воспринимать доказательства стороны обвинения, в меньшей степени проявляя недоверие к ним. В результате рассмотрения дела был вынесен обвинительный вердикт.

Осуществлять уголовное преследование в суде с участием присяжных заседателей необходимо без малейших погрешностей, промахов и ошибок не только в части соблюдения уголовно-процессуальных норм, но и в части использования криминалистических рекомендаций по вопросам надлежащей подготовки, организации доказательственной деятельности, процесса демонстрации информации и управления вниманием аудитории. Активная, вдумчивая, многоплановая работа требуется от государственного обвинителя на всех стадиях судебного разбирательства в данном суде.

Для качественного поддержания государственного обвинения нужен не шаблонный, формальный, а индивидуальный, продуманный подход с элементами творчества при осуществлении доказательственной деятельности, направленный на коллегию присяжных заседателей. Любые просчет, недоработка или упущение государственного обвинителя при работе с доказательственной базой, бесспорно свидетельствующей о виновности лица в инкриминируемом ему преступлении, может привести в суде с участием присяжных заседателей к негативным последствиям.

Степень доверия присяжных заседателей к личности государственного обвинителя представляет собой фактор, оказывающий значительное влияние на формирование итогового вердикта коллегией. Исходя из этого, поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей требует тщательного подхода к личности того сотрудника, который будет представлять сторону обвинения.

Подчеркивая значимость личностных качеств государственного обвинителя, традиционно отмечают следующие:

качества физические: отсутствие физических и телесных недостатков, среди которых глухота, плохое зрение и т. д.; ясная и

спокойная дикция, т. е. отсутствие проблемы с голосом и внятностью речи;

качества умственные: хорошая память, обширное общее образование, хорошее знание как закона, так и теоретических положений, например теории улик и теории красноречия; присутствие духа, находчивость, юмор, хладнокровие и отсутствие раздражительности;

качества нравственные: честность, беспристрастность и глубокая убежденность в правоте дела, которому служишь⁹².

Кроме того, государственный обвинитель обязан с полной энергией «вести борьбу против виновного», но в то же время «соблюдать беспристрастие и не губить невиновного».

Оценка эффективности деятельности государственного обвинителя в суде с участием присяжных заседателей будет зависеть не только от того, сумеет ли он обосновать доказанность обвинения, но и от того, насколько он строго следует закону, соответствует ли его выступление, вся его деятельность в процессе требованиям объективности, правовой и общей культуры, нравственным нормам⁹³. Так, Ю.А. Корневский указывает на следующие качества государственного обвинителя:

высокий уровень правосознания, уважения к закону;

принципиальность, твердость в отстаивании своего убеждения, умение противостоять любым посторонним влияниям;

самокритичность, способность подчинить самоконтролю мышление и всю свою деятельность, пренебречь в интересах дела ложным самолюбием и отказаться от версии, оказавшейся ошибочной;

настойчивое творческое стремление к отысканию истины;

непримиримость к преступлению и вместе с тем непредвзятое отношение к подсудимому, осторожность при решении вопроса о его виновности; гуманность, уважение к человеческому достоинству;

чувство меры, скромность, отсутствие самолюбования⁹⁴.

---

⁹² Левинстим А.А. Речь государственного обвинителя в уголовном суде (этиод). СПб., 1894. С. 15–20.

⁹³ Там же. С. 20.

⁹⁴ Корневский Ю.А. Государственное обвинение: нужна реформа // Законность. 2000. № 12. С. 35.

С другой стороны, не следует недооценивать и игнорировать так называемые социально-психологические механизмы, влияющие на эффективность межличностного восприятия. Так, в психологии установлены закономерности, связанные с эффектом первого впечатления. Особого внимания со стороны государственного обвинителя заслуживают вопросы так называемой имиджевой⁹⁵ составляющей. То, какое впечатление государственный обвинитель произведет на кандидатов, как изначально сложатся их взаимоотношения, во многом предопределил оценку его аргументов, повлияет на принятие или отторжение отстаиваемой им позиции и, безусловно, скажется на характере вынесенного коллегией итогового решения по делу⁹⁶.

Присяжные заседатели особым образом воспринимают и оценивают государственного обвинителя, его личность, слова и действия⁹⁷. Необходимо учитывать, что убедительность аргументов лица, намеревающегося в чем-то убедить других людей, в значительной мере зависит от его имиджа и статуса⁹⁸.

Положительный имидж, внушающий присяжным заседателям расположение и доверие к государственному обвинителю, а следовательно, и к его позиции по делу, создается тогда, когда внешний облик и поведение в судебном заседании свидетельствуют о его нравственной и профессиональной состоятельности⁹⁹. Во внешнем облике, одежде, и манерах поведения лица, поддерживающего от имени государства обвинение в суде с участием присяжных заседателей (в том числе и вне судебного процесса), необходимо избегать вычурности, вульгарности, броскости и безвкусицы. Целесообразно придерживаться классического стиля в выборе прически, макияжа, маникюра, украшений, обуви. Безусловно, участвующий в суде прокурор обязан быть в форменном обмундировании, которое должно быть аккуратно сшито, подогнано по фи-

---

⁹⁵ Имидж как складывающееся у окружающих положительное представление о том или ином человеке.

⁹⁶ Теоретические основы использования психологических знаний в прокурорской деятельности : монография / М.С. Андрианов, Т.Г. Воеводина, Д.В. Григорьева [и др.] ; под науч. ред. О.Д. Ситковской. М., 2015. С. 68.

⁹⁷ Там же. С. 66.

⁹⁸ Шейнов В.П. Психотехнология влияния. М.; Минск, 2005. С. 3.

⁹⁹ Решетова Н.Ю., Разинкина А.Н. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел районными судами, гарнизонными военными судами с участием присяжных заседателей : учеб. пособие. М., 2017. С. 136.

гуре, быть чистым, отглаженным. Недопустимо использование предметов роскоши (украшения, дорогие часы, мобильный телефон, планшет и т. д.)

Государственному обвинителю, поддерживающему обвинение в суде с участием присяжных заседателей, помимо визуального имиджа необходимо помнить о надлежащем уровне коммуникативных качеств, риторическом идеале.

Небрежный, неряшливый слог, использование выражений типа «вероятно, несомненно смерть последовала от удара ножом», «этот факт можно считать более или менее установленным», «большой отрицательный минус» и т. д., а также употребление значительного числа «казенных» слов, непонятных присяжным заседателям юридических терминов, слов-паразитов (значит, вот, так сказать и др.), неправильное ударение (возбужденный, приговор и др.) в целом отрицательно сказываются на имидже государственного обвинителя.

Не меньше может повредить формированию у присяжных заседателей положительного имиджа государственного обвинителя его несдержанность, раздражительность в процессе, постоянно повышенный тон, нападки на личные качества свидетелей, потерпевшего, подсудимого, стремление унижить представителей стороны защиты. Необходимый для деятельности государственного обвинителя в суде с участием присяжных заседателей социальный имидж должен включать три «п»: приятность, понятность, правдивость. Причем последнее по значимости можно смело ставить на первое место в основание всей прокурорской деятельности.

Представитель государства, осуществляющий уголовное преследование в судебном процессе, должен обладать глубокими знаниями правовых норм, регулирующих рассмотрение дел в данной форме судопроизводства. Он должен свободно ориентироваться в законодательстве и судебной практике, а также владеть навыками ораторского мастерства. Умение убеждать людей, вести эффективную полемику и отстаивать свою позицию – ключевой аспект его профессиональной деятельности. Развитие этих качеств является насущной необходимостью, поскольку они способствуют достижению целей уголовного преследования.

Кроме того, государственный обвинитель должен обладать знаниями в таких областях, как социология, психология, теория

управления и коммуникации. Эти знания позволяют ему эффективно взаимодействовать с присяжными заседателями и другими участниками судебного процесса. Умение применять эти знания на практике является важным аспектом профессиональной компетенции государственного обвинителя. Необходимо подчеркнуть, что он должен обладать высоким уровнем общей культуры, широким кругозором и эрудицией. Внимательность, наблюдательность и умение разбираться в людях также являются важными качествами, которые способствуют успешному выполнению профессиональных обязанностей.

Изучение этих факторов представляет особый интерес в контексте теории и практики судопроизводства. Динамика и механизмы воздействия на процесс принятия решений являются предметом многочисленных исследований в различных областях знаний. Понимание этих факторов позволяет более эффективно осуществлять уголовное преследование и обеспечивать справедливость судебного процесса. Чтобы государственный обвинитель соответствовал всем перечисленным требованиям, необходимо постоянно проводить работу, направленную на его обучение и воспитание, формирование собственного стиля представления и исследования доказательств перед коллегией присяжных заседателей.

Данная работа должна включать в себя: поиск и подбор работников, наиболее подходящих для поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей; повышение квалификации государственных обвинителей с упором на индивидуальное совершенствование профессионального мастерства; постоянное самосовершенствование и саморазвитие лица, поддерживающего обвинение.

Одним из способов обмена опытом поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей является работа в группе государственных обвинителей, когда вместе с работником районной/городской прокуратуры участвует и работник прокуратуры субъекта Российской Федерации, имеющий опыт поддержания государственного обвинения в суде присяжных. Такой подход в определенной степени помогает избежать многих ошибок и просчетов, которые могут допустить работники, не имеющие опыта работы с коллегией присяжных

заседателей¹⁰⁰. Вместе с тем работнику не имеющему соответствующего опыта поддержания государственного обвинения, следует избегать слепого копирования поведения и профессиональных манер работы с коллегией присяжных своего опытного коллеги. Как отмечают специалисты, прокурор, участвуя в судебном заседании, обычно сочетает и индивидуальное, и социально-психологическое воздействие¹⁰¹.

В профессиональной деятельности прокурора ключевую роль играет уникальный набор качеств и навыков, которые он использует для эффективного взаимодействия с аудиторией. В связи с этим важно, чтобы каждый работник стремился к формированию собственного профессионального образа и стиля работы, максимально соответствующего его индивидуальным характеристикам и профессиональным компетенциям.

Особое значение это приобретает для прокуроров – государственных обвинителей, которым необходимо тщательно прорабатывать и формировать свой профессиональный имидж. В классическом понимании этот процесс можно сравнить с созданием образа «*persona*» – многогранной личности, способной эффективно выполнять свои служебные обязанности. При этом профессиональный имидж прокурора должен выходить за рамки исключительно внешнего облика, хотя и он играет важную роль. Формирование целостного профессионального образа требует комплексного подхода, включающего как внешние, так и внутренние аспекты, а также их гармоничное взаимодействие.

Внешний образ должен быть подкреплён глубоко обоснованной внутренней убежденностью в правомерности своих слов, действий и решений, направленных на выполнение служебного долга, а также осознанием степени ответственности перед обществом и государством.

Для иллюстрации данного тезиса можно обратиться к судебному процессу, который состоялся в отношении бывшего мини-

---

¹⁰⁰ Ворсин Д. Особенности поддержания государственного обвинения в суде по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с участием коллегии присяжных заседателей // Законность. 2021. № 2. С. 17–25.

¹⁰¹ Ратинова Н.А., Кроз М.В. Использование прокурором психологических средств коммуникативного воздействия при рассмотрении уголовных дел : метод. рекомендации. М., 2013. С. 8.

стра торговли и экономического развития Казахстана Куандыка Бишимбаева. Этот процесс представляет интерес с точки зрения анализа проблем информационно-психологического воздействия на аудиторию, а также исследования пределов допустимости медийной активности государственного обвинителя в рамках конкретного уголовного дела. Однако наиболее значимым аспектом является изучение того, как тщательно проработанный и профессионально выстроенный образ прокурора – государственного обвинителя Аймагановой Айжан позволил максимально эффективно и качественно осуществлять свою деятельность в суде присяжных, завоевав доверие тысяч обычных граждан, наблюдавших за процессом онлайн. В результате сторона обвинения достигла справедливого судебного вердикта. Представители средств массовой информации идентифицировали прокурора Айжан Аймаганову как одну из главных героинь судебного разбирательства. В своих публикациях они отмечали, что люди восхищаются ее равнодушием и строгостью по отношению к подсудимому и подписываются на нее в соцсетях¹⁰², что, безусловно, свидетельствует о высоком уровне доверия и уважения к ее профессиональной деятельности.

Учитывая, что каждый профессионал обладает своим уникальным набором качеств и навыков, которые он использует для воздействия на аудиторию, важно, чтобы каждый работник стремился создать свой собственный, наиболее эффективный профессиональный образ и стиль работы. Требуется поиск органичных именно для него образа и стиля работы, в рамках которых ему будет комфортно взаимодействовать с присяжными заседателями, и присяжные не будут видеть неискренность и исполнение некой роли.

Институт рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей действует во многих странах мира. Несмотря на различное отношение к данному институту правоведов в Российской Федерации, он продолжает расширяться и развиваться и в нашей стране. Так, Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс российской Федерации в связи с расширением

---

¹⁰² URL: <https://lenta.ru/articles/2024/04/13/ayzhan-aymaganova/?ysclid=mfset08xiw830297429> (дата обращения: 10.09.2025).

применения института присяжных заседателей» с 1 июня 2018 года предусмотрена возможность рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей в районных (городских) судах.

В соответствии с п.1.5 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» руководители прокуратур обязаны поручать поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей прокурорам, обладающим соответствующими личностными и профессиональными качествами. В последнее время в академическом сообществе наблюдается активизация исследовательской деятельности, направленной на изучение корреляции между личностными характеристиками субъектов правоприменительной деятельности и результативностью данной деятельности.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Александров, А.С. Введение в судебную лингвистику / А.С. Александров. – Нижний Новгород : Нижегород. правовая акад., 2003. – 420 с.
2. Александров, А.С. Текст закона и право / А.С. Александров // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе : сб. науч. тр. / Акад. М-ва внутренних дел Республики Беларусь ; отв. ред. А.Л. Савенок. – Минск : Акад. внутренних дел Республики Беларусь, 2012. – С. 117–129.
3. Альчуррон, К.Э. Нормативные системы / К.Э. Альчуррон, Е.В. Булыгин // Российский ежегодник теории права. № 3. 2010 / С.-Петерб. гос. ун-т ; Уральская юрид. акад. – Санкт-Петербург : Универ. изд. консорциум «Юридическая книга», 2011. – С. 207–210.
4. Антонов, М.В. Право в аспекте нормативных систем / М.В. Антонов // Российский ежегодник теории права. № 3. 2010 / С.-Петерб. гос. ун-т ; Уральская юрид. акад. – Санкт-Петербург : Универ. изд. консорциум «Юридическая книга», 2011. – С. 297–308.
5. Афанасьев, Ю.Л. Эстетика и формирование личности следователя : учеб. пособие / Ю.Л. Афанасьев. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1979. – 54 с.
6. Белов, В.А. Гражданское право. Учебник. В 2 т. Т. 1 / В.А. Белов. Москва : Юрайт, 2011. – 520, [1] с.
7. Ворсин, Д. Особенности поддержания государственного обвинения в суде по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с участием коллегии присяжных заседателей / Д. Ворсин // Законность. – 2021. – № 2. – С. 17–25.
8. Галантер, М. Правосудие в разных залах: суды, частное правовое регулирование и неформальное правосудие / М. Галантер // Право и правоприменение в зеркале социальных наук : хрестоматия современных текстов / Э. Дюркгейм, Ш. Тома, К. Серон [и др.] ; ред. Э.Л. Панеях, А.М. Кадникова. – Москва : Статут, 2014. – 568 с.

9. Дюрягин, И.Я. Применение норм советского права и социальное (государственное) управление : специальность 12.00.01 «Теория и история государства и права» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Дюрягин Иван Яковлевич. – Свердловск, 1975. – 36 с.

10. Зинченко, В.П. Психология предметного действия / В.П. Зинченко. – Москва ; Санкт-Петербург : Принт, 2018. – 384 с.

11. Зорькин, В.Д. Цивилизация права и развитие России : монография / В.Д. Зорькин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2016. – 415 с.

12. Калабреззи, Г. Будущее права и экономики. Очерки о реформе и размышления / Г. Калабреззи. – Москва : Ин-т эконом. политики им. Е.Т. Гайдара, 2016. – 301 с.

13. Карапетов, А.Г. Борьба за признание судебного право творчества в европейском и американском праве / А.Г. Карапетов. – Москва : Статут, 2011. 314 с.

14. Керимов, Д.А. Проблемы общей теории права и государства : учеб. пособие для студентов вузов / Д.А. Керимов. – 2-е изд. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. – 681 с.

15. Ключков, В.В. Актуальные проблемы теории законности и прокурорского надзора : монография / В.В. Ключков ; сост.: А.В. Ключкова, О.В. Пристанская ; Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Москва : АГП РФ, 2012. – 262 с.

16. Кобец, А.В. Система профессионально важных качеств личности прокурора / А.В. Кобец // Психология. Социология и педагогика. – 2015. – № 1 (40). – С. 112–121.

17. Колесник, И.В. Теоретическая модель правоприменительной технологии : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства ; история учений о праве и государстве» : дис. ... д-ра юрид. наук / Колесник Ирина Валентиновна. – Москва, 2014. – 437 с.

18. Кононов, А.А. Системные исследования норм права : учеб. пособие / А.А. Кононов, И.Л. Честнов. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2001. – 80 с.

19. Корневский, Ю.А. Государственное обвинение: нужна реформа / Ю.А. Корневский // Законность. – 2000. – № 12. – С. 31–35.

20. Кудрявцев, В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – Москва : Норма, 1999. – 324 с.

21. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – Санкт-Петербург : Макет, 1995. – 179 с.

22. Левинстим, А.А. Речь государственного обвинителя в уголовном суде (этюды) / А.А. Левинстим. – Санкт-Петербург, 1894. – 124 с.

23. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – Москва : Гнозис, 2003. – 280 с.

24. Мальцев, Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. – Москва : Норма, 2011. – 800 с.

25. Махьянова, Р.М. Тактика надзорной деятельности прокуратуры: порядок разработки и реализации / Р.М. Махьянова // Lex russica. – 2025. – Т. 78, № 6. – С. 67–77.

26. Михайлов, В.В. Особенности предварительного следствия по уголовным делам, подсудным суду с участием присяжных заседателей / В.В. Михайлов // КриминалистЪ. – 2018. – № 2 (23). – С. 35–43.

27. Панеях, Э. Траектория уголовного дела: институциональный анализ / Э. Панеях, К. Титаев, М. Шклярчук. – Санкт-Петербург : Европейский университет, 2018. – 476 с.

28. Паттаро, Э. Нет права без норм / Э. Паттаро // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / С.-Петерб. гос. ун-т ; Уральская юрид. акад. – Санкт-Петербург : Универ. изд. консорциум «Юридическая книга», 2009. – С. 284–342.

29. Постклассическая онтология права : монография / под ред. И.Л. Честнова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. – 688 с. – (Толкование источников права).

30. Правоприменение: теория и практика / Н.Т. Вишневская, Е.Б. Ганюшкина, И.В. Гетьман-Павлова [и др.] ; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – Москва : Формула права, 2008. – 432 с.

31. Ратинова, Н.А. Использование прокурором психологических средств коммуникативного воздействия при рассмотрении уголовных дел : метод. рекомендации / Н.А. Ратинова, М.В. Кроз. – Москва : Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. – 43 с.

32. Решетова, Н.Ю. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел районными судами, гарнизонными военными судами с участием присяжных заседателей : учеб. пособие / Н.Ю. Решетова, А.Н. Разинкина. – Москва : Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. – 139 с.

33. Социологическая школа права в контексте современной юриспруденции : коллективная монография / Я.И. Гилинский, Л.И. Глухова, Л.А. Голубева [и др.] ; под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2022. – 442 с.

34. Теоретические основы использования психологических знаний в прокурорской деятельности : монография / М.С. Андрианов, Т.Г. Воеводина, Д.В. Григорьева [и др.] ; под науч. ред. О.Д. Ситковской. – Москва : Проспект, 2015. – 208 с.

35. Теория юридического процесса / В.М. Горшенев, В.Г. Крупин, Ю.И. Мельников [и др.] ; под общ. ред. В.М. Горшенева. – Харьков : Вища шк., 1975. – 192 с.

36. Тимошина, Е.В. В поисках утраченного смысла: толкование права в ситуации «смерти законодателя» / Е.В. Тимошина, В.Е. Кондуров // Вопросы философии. – 2022. – № 10. – С. 29–43.

37. Тимошина, Е.В. Методология судебного толкования: критический анализ реалистического подхода / Е.В. Тимошина // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 72–102.

38. Тонков, Е.Н. Российский правовой реализм : монография / Е.Н. Тонков. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2024. – 454 с.

39. Филиппова, С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права / С.Ю. Филиппова. – Москва : Статут, 2013. – 347 с.

40. Честнов, И.Л. Актуальные проблемы теории государства и права : учеб. пособие : в 2 ч. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2020. – 2 ч.

41. Честнов, И.Л. Антропологическая программа правоприменения / И.Л. Честнов // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – № 4. – С. 87–101.

42. Честнов, И.Л. Теоретические проблемы правоприменения / И.Л. Честнов // КриминалистЪ. – 2015. – № 2 (17). – С. 76–79.

43. Шейнов, В.П. Психотехнология влияния / В.П. Шейнов. – Москва-Минск : Харвест, 2005. – 518 с.

44. Юридическая процессуальная форма: теория и практика / Н.В. Витрук, В.М. Горшенев, Т.Н. Добровольская [и др.] ; под ред. В.М. Горшенева, П.Е. Недбайло. – Москва : Юрид. лит., 1976. – 280 с.

Учебное издание

С Е Р И Я

«ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

Учебное пособие для обучающихся по программам
дополнительного профессионального образования

Редактор *Н.Я. Елкина*

Компьютерная правка и верстка *Н.В. Федорченко*

Подписано в печать 24.11.2025. Формат 60х90/16.
Печ. л. 5,25. Тираж 500 экз. (1-й з-д 1–50). Заказ 23/25.

Отдел научной информации и издательской деятельности
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале)
Университета прокуратуры Российской Федерации
191014, Санкт-Петербург, Литейный просп., 44